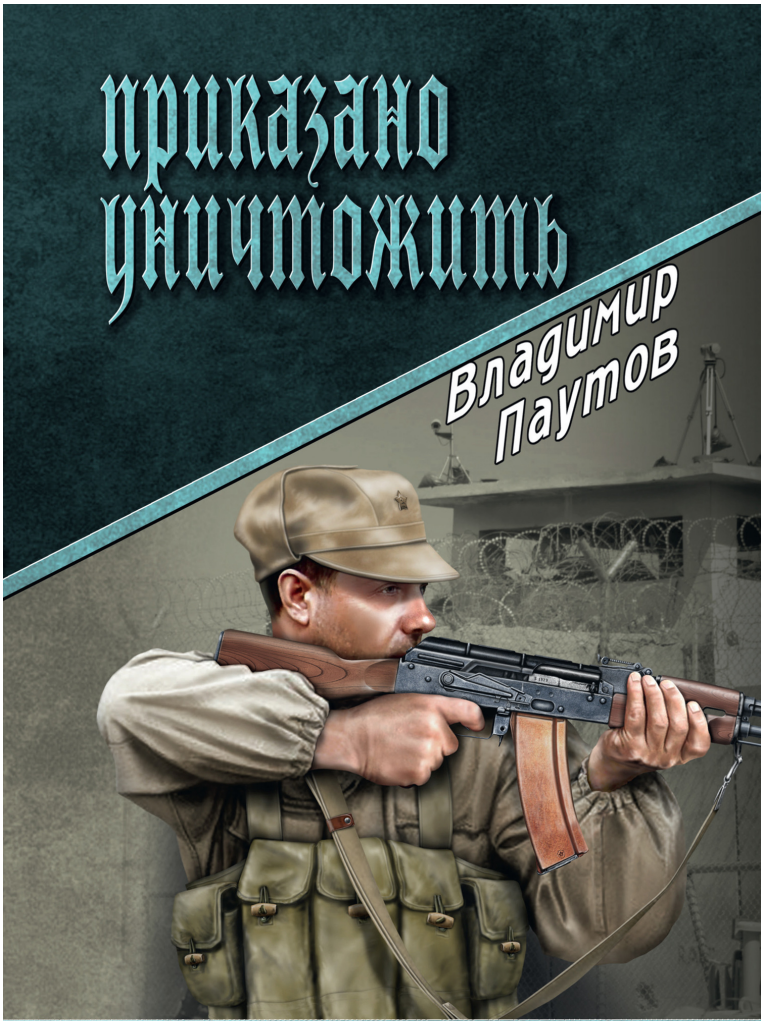
Приказано уничтожить

Владимир Паутов



Секретный фарватер

Владимир Александрович Паутов

Приказано уничтожить

Серия «Секретный фарватер (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11610807
Приказано уничтожить/ Паутов В.А.: Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-9012-9

Аннотация

В Советском Союзе в 1970-х годах существовал проект по созданию психотропного оружия. Но в годы перестройки его, как и многие другие военные разработки, прикрыли. Один из ученых-химиков сумел выехать из страны и вывезти разработанную им технологию. Специалисты из ЦРУ заинтересовались препаратом и организовали на территории Турции под видом обычной турбазы секретную лабораторию. Применение нового препарата сопоставимо с использованием оружия массового поражения. Советское руководство предприняло попытку уничтожить секретный объект. Но группа спецназа КГБ «Вымпел» в результате предательства погибла. От повторной операции КГБ официально отказался. Тогда куратор операции на свой страх и риск обратился за помощью к знакомому, начальнику военной разведки. И в Турцию отправилась группа из секретного подразделения ГРУ…

Содержание

Вместо пролога 5
Часть первая. Отряд специального назначения 19
Глава 1. Экстренный вызов 19
Глава 2. Неожиданное предложение 24
Глава 3. На конспиративной квартире 43
Глава 4. Майор Чернышев Алексей Николаевич 60
Глава 5. Москва. Конспиративная квартира ГРУ 76
Глава 6. Турция. Анкара. Резидентура ЦРУ США 82
Глава 7. На базе отряда специального назначения ГРУ 100
Глава 8. На полигоне 110
Часть вторая. Назад пути нет 121
Глава 1. Ночь накануне вылета 121
Глава 2. Гвардии прапорщик Дмитрий Сокольников 125
Конец ознакомительного фрагмента. 131

Владимир Паутов
Приказано уничтожить

Офицерам и рядовым бойцам спецназа Воздушно-десантных войск, Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил и Первого главного управления Комитета государственной безопасности СССР, живым и павшим, посвящается.

Вместо пролога

Группу спецназа из отряда «Вымпел» Первого главного управления КГБ СССР возглавлял майор Луговой. Это был хороший, толковый офицер, имевший за плечами огромный боевой опыт проведения спецопераций. Но в этот раз задача, поставленная майору Луговому и его группе, считалась чрезвычайно трудной. Прежде офицерам группы никогда не приходилось сталкиваться с таким заданием, ведь перед тем, как проникнуть на объект, нужно было преодолеть огромное расстояние и пересечь границы нескольких государств. Естественно, в тех условиях штатное оружие они не могли взять с собой. По разработанному в Москве плану, группа должна была проникнуть на территорию Турции через соседнее государство, Сирию, прибыв из Франции под видом технических специалистов по эксплуатации паромных переправ.

В Дамаск из Франции группа добралась без особых трудностей. После таможенного и пограничного контролей майор Луговой в аэропорту встретился с офицером безопасности советского посольства. Встреча была короткой. Она произошла в маленьком баре рядом с аэропортом. Сначала туда зашел и встал у стойки офицер безопасности. Он заказал стакан холодного сока и оставил бармену кейс. Выпив сок, офицер безопасности посольства покинул привокзальное заведение как раз в тот момент, когда к нему подходил майор

Луговой. Они увидели друг друга, обменялись взглядами и, не подав виду, что знакомы, разошлись в разные стороны. Командиру группы стало ясно, что информация, предназначенная для него, оставлена в баре, поэтому он спокойно вошел. Там майор пробыл несколько минут. Он заказал стакан холодного сока и встал поближе к вентилятору. У стойки никого не было, поэтому, не опасаясь посторонних глаз, хозяин осторожно передал Луговому кейс. Майор, не торопясь, допил фруктовый сок и, попрощавшись с барменом, вышел из маленького прохладного зала в знойную жару, чтобы навсегда раствориться в толпе сновавших туда-сюда пассажиров, носильщиков, уличных продавцов и прочего люда.

В кейсе находились инструкции руководства по дальнейшим действиям группы. В них предписывалось на рейсе внутренних авиалиний добраться до города Халеб на севере страны. На автостоянке рядом с вокзалом их будет ждать микроавтобус, зарегистрированный на имя Рональда Стенмарка, гражданина Швеции, специалиста по паромным переправам. Такая легенда не должна была вызвать подозрений у пограничного контроля на турецкой границе, ибо объект проникновения располагался рядом с озером, на котором имелся паром. Вряд ли в южных районах Турции кто-нибудь говорил по-шведски, поэтому провал с этой стороны группе спецназа не грозил, а английским все шестеро офицеров внешней разведки КГБ владели в совершенстве. Кроме инструкций в пакете лежали шесть шведских паспортов,

крупная сумма денег в долларах США, ключи от автомобиля и билеты на самолет, вылетающий из Дамаска ровно через час.

На автостоянке их ожидал вишневого цвета восьмиместный микроавтобус марки «Фольксваген». Все быстро заняли места и тронулись в путь. Луговой перед отъездом строго предупредил офицеров, чтобы все разговоры, даже во время поездки, велись только на английском, на русском майор запретил говорить вплоть до возвращения на родину. Он не хотел рисковать, чтобы из-за такой мелочи, как желание разговаривать на родном языке, его группа не выполнила поставленную задачу.

До границы с Турцией они доехали без единой остановки. Пункт, где Луговой намеревался пересечь границу, находился вблизи небольшого сирийского городка. Он решил сделать здесь короткую остановку для отдыха, проверки автомобиля и заправки горючим. Майор не хотел останавливаться в пути, поэтому дал возможность офицерам основательно отдохнуть и выспаться.

Пограничный пункт они пересекли без проблем, хотя у майора и появились непонятные подозрения. Нет, сказать, что он чего-то испугался, было нельзя, но чувство близкой грядущей опасности все-таки зародилось.

* * *

Секретарша, неслышно открыв дверь, тихо вошла в кабинет Фрэнка Дилана и сказала:

– Шеф, вас просят из Вашингтона! Будете говорить?

– Конечно, конечно! Что за вопрос, Кристи? Соедините немедленно! И поживее, поживее! Не ходите, словно сонная муха! – поторопил девушку хозяин кабинета.

Тем не менее Кристи, словно не слышала приказания шефа, не торопясь вышла из комнаты, осторожно закрыв дверь.

– Хеллоу, сэр! Я вас слушаю! – радостно прокричал в трубку Дилан.

Человек, которому звонили из Вашингтона, являлся резидентом ЦРУ в Турции, и полное его имя было Фрэнк Оуэн Дилан.

– Приветствую, старина, – послышался голос заместителя директора, – как дела, дружище? Русские уже прибыли? Ты меня держи в курсе всех событий. За ними нужен глаз да глаз! Они могут выкинуть такое, что потом мне снимут голову, а я постараюсь, чтобы слетела и твоя! Не забывай, что директор возложил всю ответственность по охране проекта «Будущая жизнь» на нас! От этого задания зависит твоя карьера здесь, в штаб-квартире. Ведь ты все еще сидишь в захолустье, и это после Москвы, а тебе давно пора служить в центральном аппарате в Вашингтоне. Я подумываю, в случае

удачного завершения, не взять ли тебя к себе в помощники? Как думаешь?

– Не извольте беспокоиться, сэр!

У Фрэнка дыхание сперло от радости, когда он услышал последнюю фразу босса. Он с трудом проглотил воздух и прокричал в телефонную трубку:

– У меня все под контролем, сэр! Прибыли шесть человек. Наша агентура в Сирии взяла их под плотное наблюдение. Они уже встретились с офицером безопасности и получили инструкции.

– Смотри, Дилан! Операция возложена на тебя! Если случится что-то непредвиденное, сразу звони! Впрочем, ты молодец, что так быстро реализовал информацию, полученную из Москвы. Смотри, не подведи меня!

– Слушаюсь, сэр! Я временно снял наблюдение, потому что они смогут добраться до лаборатории только на машине, а дорога там одна. Вертолет они достать не смогут. Мы их возьмем на подъезде к турбазе.

– Отлично, Фрэнк! Детали меня не интересуют! Желаю успехов. Как возьмете русских, тут же сообщи! Я вышлю самолет, чтобы доставить их сюда, к нам. Думаю, мы сможем развязать им языки, и это будет хорошим сюрпризом для нового русского мышления! Ха-ха-ха! Успехов!

Короткие частые гудки возвестили о том, что трубку в Вашингтоне повесили. Разговор окончился. Фрэнк Дилан почувствовал, что у него пересохло в горле. Он был доволен

исходом беседы с боссом. «В Вашингтоне меня помнят и доверяют, а это главное», – думал он, радостно потирая руки и наливая в стакан изрядную порцию виски.

Резидент нажал кнопку вызова секретаря: «Кристи, вызовите ко мне Марка». Марк Браун был его заместителем по оперативной работе. Они служили вместе довольно долго. Расторопный парень, шустрый и толковый, одновременно он выполнял обязанности и помощника, и заместителя, и секретаря, и еще много отдельных, весьма конфиденциальных поручений. А самое главное, Браун обладал редким качеством – он умел держать язык за зубами, что в разведке считалось большим достоинством и стоило многого.

Через десять минут Марк вошел в кабинет шефа.

– Доброе утро, босс! У нас полный порядок. Я лично вылетал на объект, там все о'кей! Охрана сменилась. Сейчас там несут службу морские пехотинцы из охраны посольства. Они проинструктированы лично мной. Начальник местной полиции и военный комендант в курсе дела. Они обещали полное содействие в случае непредвиденных обстоятельств, но, я думаю, таковых не будет. Два вертолета с экипажами и взводом морской пехоты из охраны дипломатических представительств США с полной экипировкой готовы к вылету на объект. Мы их повяжем в один момент. Наша агентура из Дамаска передает, что группа прибыла и взята под наблюдение. Я приказал его снять, пусть русские ведут себя свободно и ни о чем не волнуются. У них не должно возникнуть

ни малейшего подозрения, что их ждут. Мы примем группу, когда они пересекут границу. Кстати, русские прибыли рейсом «Эйр Франс» с болгарскими паспортами, но в Турцию въехали уже как шведские подданные.

– Хорошо, очень хорошо, Марк! Мне только что звонили из Вашингтона. На меня надеются, не подведи, Марк! Да, и помни, если меня переведут в Лэнгли, то тебя я возьму с собой, лучшего помощника мне не найти. Иди, занимайся своими делами и не забудь то, о чем я тебе сказал!

Операция по захвату спецгруппы КГБ прошла, к удовольствию резидента Дилана, хорошо. Диверсантов на объект не допустили, а в том, что погибли морские пехотинцы из охраны посольства, Фрэнк не видел ничего страшного, ведь захват спецназа противника – это не уикенд с хорошенькой девушкой. Тот факт, что на заключительном этапе операция чуть было не завершилась полным крахом, он не принял во внимание.

* * *

Майор Луговой сидел за рулем четвертый час. «Надо бы и отдохнуть», – подумал он и, обернувшись, кивнул одному из офицеров, чтобы тот заменил его. Свернув на обочину, Луговой остановил автобус и дал возможность ребятам немного размять затекшие от долгого сидения ноги. Они уже отмахали километров четыреста. Оставалось еще около шестисот.

«Дорога отличная! Если ехать сто километров в час, через шесть-семь часов будем на месте», – прикинул майор.

До объекта оставалось всего ничего, от силы час пути, когда их остановил полицейский патруль. Подозрения Лугового, что их засекли еще на границе, стали усиливаться. Но особенно они разыгрались после того, как старший полицейский чин предложил им свернуть с дороги и проследовать на автостоянку. «Какая тут, к черту, автостоянка, кругом горы, хотя, впрочем, район этот у них считается беспокойным, может, действительно террористический акт произошел? По радио что-то вроде говорили! Вполне мог иметь место какой-нибудь взрыв. Курды здесь иногда на дорогах шалят. Но что-то подозрительно все равно, замирает сердечко-то от волнения, замирает, и все тут!» – думал майор, но с дороги все-таки свернул и двинулся в указанном направлении. Правда, своим ребятам он еще во время беседы с полицейскими подал условный сигнал об опасности и, стало быть, о том, чтобы готовы были ко всяким неожиданностям.

Они оказались на небольшой площадке, почти круглой формы, около пятидесяти метров в диаметре, окруженной горами, а обратно вела всего лишь одна дорога, по которой они и приехали. Майор сразу понял, что это засада, и здесь их сейчас будут брать. Он не ошибся в своих предположениях, потому что только поднявшись на площадку, можно было увидеть, что их ждали. Под прикрытием скал там затаились четыре замаскированных армейских джипа. Не раздумывая

ни секунды, потому как счет жизни пошел именно на эти малюсенькие и быстрые секунды, Луговой резко затормозил, нажав одновременно на педали тормоза и сцепления, чтобы не заглох двигатель. Он вывернул почти до отказа руль вправо, отпустил сцепление и тут же нажал на педаль газа. Мотор взревел так, будто готов был отдать весь запас мощности и вылететь наружу. Майору удалось развернуть автобус на месте. Правда, при этом он чуть было не перевернулся. Луговой быстро начал закручивать баранку влево, выровнял машину, и она, подняв, словно дымовую завесу, облако пыли и выдав большую порцию выхлопных газов, понеслась в обратную сторону. Майор понял, что ждали их здесь неслучайно. «Ведь не могли же просто так сюда забраться четыре армейских джипа? Значит, группу предали. Ну не могли же нас предать в Москве? Это же абсурд! Хотя сейчас все так поменялось, кто раньше был врагом, тот скоропостижно стал другом, и наоборот…» – думал Луговой, на максимальной скорости мчась по грунтовке в сторону шоссе. Они уже подъезжали к основной трассе, до нее оставалось всего лишь несколько десятков метров, как неожиданно дорогу перекрыли две полицейские машины. Позади них пылили армейские джипы, повиснув на хвосте у группы. Не колеблясь ни секунды, даже не притормозив, майор пошел на таран. Решение, как прорваться через заслон, созрело мгновенно. Он ударил полицейский автомобиль в район багажника, чтобы тот развернулся и освободил путь для проезда. Это упражне-

ние офицеры его группы отрабатывали не раз на полигоне во время автотренировок, когда нужно было расчистить дорогу, если ее перегораживали другими автомобилями. Прием был доведен до автоматизма. Бить следовало только в багажник, потому как на оперативных машинах там обычно ничего не было и эта часть автомобиля являлась намного легче той, где находился двигатель. Поэтому даже легкого удара по багажнику всегда было достаточно, чтобы освободить путь, не повредив при этом свой автомобиль. Так получилось и сейчас. Одна машина развернулась, и Луговой направил автобус в появившийся проход. Они вылетели на шоссе, и майор прокричал, чтобы его ребята готовились к бою, до объекта всего несколько километров, хотя, конечно, прорваться было невозможно. Луговой это понял, как понял и то, что вернуться домой им не удастся, к тому же оружия у них не было, а посему он принял другое решение. Майор опять быстро развернул микроавтобус и протаранил вторую полицейскую машину. Но только сейчас майор постарался ударить в бензобак. Ему удалось пробить его. Бензин хлынул на асфальт. Ребята выскочили из автобуса и обезоружили растерявшихся полицейских. Те не ожидали столь внезапного нападения, а наоборот, готовились вести преследование, – по их мнению, группа должна была бы попытаться скрыться. Местные стражи порядка вместе с заместителем резидента сидели во второй машине, когда на них налетел микроавтобус. С другой стороны в эту же машину врезался армейский джип.

* * *

Заместитель резидента Марк Браун чудом остался жив. Он даже не понял, как и почему это случилось. Все так быстро произошло, что при воспоминаниях об этих событиях его всегда начинало знобить от страха, ведь это чистое везение, что он не погиб тогда, когда эти проклятые русские направили микроавтобус на машину, в которой Марк собирался преследовать диверсантов.

События разворачивались вначале очень неплохо, вполне предсказуемо, как и предусматривалось. Русские должны были проехать на площадку, где их захватили бы морские пехотинцы лейтенанта Бредли. Все так и происходило. Диверсанты остановились и выполнили требование местной полиции. Но дальше план, так прекрасно разработанный Марком, сорвался. Неожиданно, когда Браун готовился садиться в полицейскую машину и отправляться на стоянку, чтобы допросить задержанных диверсантов, из-за поворота вылетел автобус с русскими. На бешеной скорости он стал приближаться к шоссе. Марк приказал перекрыть дорогу. Но тот сумасшедший, кто сидел за рулем, даже не подумал не то чтобы остановиться, а хотя бы притормозить. Как в голливудском боевике, водитель, направив автобус прямо на них, протаранил полицейский автомобиль, пробил брешь в заслоне и выскочил на трассу. «Профессионально проскочили! Они сей-

час или скроются, или прорвутся на объект и натворят там бог знает что! Прощай тогда перевод в Вашингтон!» – подумал обреченно Браун, и от этих мыслей у него засосало под ложечкой.

– В машину! – заорал не своим голосом он начальнику полиции.

Но русские повели себя абсолютно непредсказуемо. Это предусмотреть конечно же было невозможно. Они вдруг развернулись и вновь пошли на таран. Марк уже заносил ногу, чтобы сесть в машину и возглавить преследование, и еле успел отскочить в сторону, когда микроавтобус врезался во второй автомобиль местной полиции. Пыль над местом столкновения поднялась столбом, плотной завесой закрыла и машины, и людей. Начался пожар. Машина, куда собирался сесть Марк, загорелась. Он прикрыл рукой глаза и рот от песка. Заместитель резидента ничего не видел, но зато почувствовал, причем почувствовал весьма основательно, как кто-то невидимый сильнейшим ударом в живот сбил его с ног. Острая боль разлилась по всей нижней части тела. Марк охнул и лишился чувств. Очнулся он, когда вокруг загрохотала пальба. Марк хотел выхватить пистолет, но не обнаружил его. Без сознания, как оказалось потом, заместитель резидента находился недолго. Но именно в эти несколько секунд произошли основные события. Русские напали на полицейский патруль и захватили два автомата и четыре пистолета. Они отобрали оружие без лишних це-

ремоний. Между собой, правда, нападавшие разговаривали на чистом английском языке, это, по всей видимости, и ввело поначалу в заблуждение подъехавших морских пехотинцев. Для них атака русских стала полной неожиданностью. Даже в самых знаменитых блокбастерах Голливуда Марку не приходилось видеть столь скорую расправу. За тридцать или сорок секунд почти все американские солдаты из первого джипа были расстреляны. Они не смогли оказать достойного сопротивления. Огонь из автоматов был неэффективен, ни один русский диверсант не только не упал на землю убитым, но даже не был ранен. Затем они, все шестеро, бросились к армейскому джипу и попытались на нем уйти. Вокруг творилось что-то невообразимое. Пожар, черный дым, пыль, кровь, смерть. Начальник местной полиции, правда, не растерялся. Он сразу же, как только русские первый раз ударили машину, связался по радио с руководством и сообщил о произошедших событиях. Диверсантам далеко уйти не удалось. На джипе, который они захватили, бензобак оказался пробитым. Их смогли взять, но с большими трудностями и потерями. Шеф потом громко и долго кричал на Марка, что, мол, тот чуть не провалил операцию, потери огромны, ведь за считанные минуты погибли пятнадцать морских пехотинцев, которые должны были, по замыслу резидента, захватить всех диверсантов без шума и пыли. Спорить с Диланом не имело смысла, потому как действительно на поимку русских, которые после боя скрылись в горах, были брошены большие

силы и средства. Были и потери. Но самое удивительное, что оставшиеся в живых диверсанты упорно не хотели говорить на родном языке и даже между собой в камере переговаривались на английском, хотя, конечно, они все были русскими. Их били, пытали, мучили, но услышать от пленных хотя бы слово на их родном языке так и не смогли.

Часть первая. Отряд специального назначения

Глава 1. Экстренный вызов

Я отдыхал вдали от городской суеты, с семьей на даче. Отпуск мой проходил размеренно и однообразно. В санаторий я не поехал, хотя жена и уговаривала, но активный отдых мне намного приятнее, нежели утомительное каждодневное лежание на песчаном пляже под палящими солнечными лучами.

Не прошло и половины отпуска, как в один из дней прибыл посыльный из Управления. Он протянул запечатанный сургучом пакет, чем несказанно удивил меня, – за много лет службы такого еще не бывало. «По всей видимости, случилось что-то очень важное, иначе не стал бы генерал присылать за мной фельдъегеря, а просто вызвал бы по телефону», – подумал я. В пакете оказалась коротенькая записка, где говорилось, что мне предписывается прибыть сегодня же вечером по указанному адресу. Конспиративных квартир у Главного управления было много, но та, куда мне следовало прибыть, считалась особенной, потому как там обычно происходили конфиденциальные встречи с особо ценными

агентами, причем, как правило, встречался с ними сам генерал, начальник военной разведки.

Машина пришла к трем часам пополудни. Сборы заняли несколько минут. Для жены мои неожиданные отъезды и командировки стали обыденным делом, поэтому она не удивилась, когда на дачу прибыл посыльный, хотя по ее глазам я заметил, что спешный вызов на службу взволновал ее не на шутку.

Ровно в пять вечера я был по указанному адресу. Мне даже не пришлось звонить – генерал, начальник нашего Управления, распахнул дверь так быстро, словно стоял за ней и сторожил, когда я приеду. Он впустил меня и, осторожно прикрыв дверь, запер на замок и навесил цепочку. «К чему такие предосторожности и конспирация? Прямо как в кино про шпионов!» – только и успел подумать я.

Генерал, будто угадав мои мысли, серьезно, без тени сарказма, сказал:

– Береженого и бог бережет! Мало ли что?! Давай проходи! А то мы тебя заждались.

«Почему мы? Значит, генерал не один?» – возникла в голове вполне естественная мысль. Я многозначительно посмотрел на часы, на что генерал заметил:

– Это так, к слову. Ты никогда не опаздываешь. Знаю!

Он направился в гостиную, следом за ним вошел и я. На огромном старинном диване сидел незнакомый человек. Он встал и пошел мне навстречу. Пока незнакомец прибли-

жался, я успел внимательно и относительно подробно рассмотреть его. Определенно, мы с ним никогда и нигде не встречались. На лица у меня была феноменальная память, можно сказать, фотографическая, я мог через несколько лет вспомнить человека, которого видел единожды, пусть даже на фотографии или мельком в толпе. Его я не видел никогда. Незнакомец был выше среднего роста, широк в плечах, в нем чувствовалась крепость не только тела, но и духа, короче говоря, вся его внешность внушала доверие. Мы молча пожали руки, почувствовав, видимо, взаимную симпатию. Открытая и дружелюбная улыбка гостя не позволяла думать о нем плохо, хотя порой первое впечатление и бывает ложным, но мне не хотелось обманываться в своих предчувствиях насчет незнакомца. Впрочем, будущее показало, что шестое чувство меня не подвело.

– Ну, давайте, как старший по званию и возрасту, познакомлю вас, – весело пробасил генерал.

Он указал на меня рукой и сказал:

– Мой лучший офицер, полковник Павлов Александр Владимирович! Начальник отдела специальных операций, он же командир отряда. Послужной список длинный – от Ливана до Афганистана с короткими остановками в Латинской Америке, Анголе, Эфиопии, Вьетнаме, и прочее. Сам потом расскажет при случае!

* * *

Отряд специального назначения Главного разведывательного управления был создан секретным приказом начальника разведки для проведения активных мероприятий в особый период, под которым понимался термин «канун войны», и после начала активных боевых действий.

Основной задачей отряда являлось осуществление диверсионно-разведывательных действий в глубоком тылу вероятного противника, активное противоборство действующим в тылу наших войск диверсионным группам противника, уничтожение крупных пунктов управления войсками, ликвидация высшего командного и политического руководства противника. Боевой состав отряда насчитывал двести человек – три роты по шестьдесят бойцов в каждой.

Главные условия зачисления в спецподразделение – отменная физическая подготовка, знание иностранных языков и высокий уровень интеллектуального развития.

* * *

Начальник Управления остался доволен тем, как представил меня гостю, который при этом внимательно смотрел мне в глаза, чем тоже вызвал уважение. Я всегда относился с по-

дозрением к людям, если они при разговоре или знакомстве смотрят в сторону, а не глядят собеседнику в глаза.

– Полковник Климов Владимир Александрович, из Комитета государственной безопасности, – представил генерал своего гостя, – доверенное лицо председателя.

Я удивленно вскинул брови, но начальник Управления ничего не ответил на мой немой вопрос, потому что несколько дней назад так же был несказанно удивлен, когда, придя рано утром в свой кабинет, снял трубку настойчиво звонившего телефона.

Глава 2. Неожиданное предложение

Время было раннее. Приемная пуста. Помощник начальника Управления еще не пришел. Телефон настойчиво и призывно гудел, требуя снять трубку. Это был аппарат прямой правительственной связи с руководством страны, называемый в обиходе «кремлёвкой». По нему можно было связаться с начальником разведки, минуя приемную: помощника и адъютанта. Зуммер генерал услышал еще в коридоре.

«Значит, кто-то не хочет, чтобы в моей приемной знали о звонке, и этот кто-то не президент страны и не премьер! Чего бы им звонить в такую рань?» – подумал генерал, взглянув на большие старинные напольные часы. Они показывали без четверти семь утра. Звонивший, должно быть, знал, что начальник Управления приходит на службу раньше своих помощников. Обычно к руководству или другому высокому начальству на совещания, для доклада или на заседание его вызывали нарочным, реже звонили из администрации президента, но не лично президент, а, как правило, его помощник. Генерал тяжело вздохнул, садясь в кресло. За долгие годы службы в разведке ему пришлось работать со многими руководителями государства, но нынешние начальника Управления удивляли, а некоторые раздражали многословностью, поверхностными суждениями о важных проблемах и легкомысленным отношением к серьезным государственным де-

лам. А как думать по-другому, если все разведданные, аналитические справки и прочие важные секретные документы, готовящиеся в его ведомстве силами и трудами многих десятков и сотен сотрудников, абсолютно не интересовали руководство страны? Пришли молодые и амбициозные политики, новое мышление которых требовало и новых подходов к вопросам, и новых советников.

– Слушаю, Корабелов!

– Доброе утро, товарищ генерал! Простите за столь ранний звонок. Вас беспокоит полковник Климов из Комитета государственной безопасности, помощник председателя. Я по вопросу, который надо срочно обсудить лично с вами! – прозвучало в ответ неожиданное предложение, больше похожее на просьбу.

– Здравия желаю, товарищ полковник! К сожалению, не имею чести знать вас лично, и фамилия мне ваша что-то незнакома! Но тем не менее чем обязан? Что это за срочное дело ко мне у вашего руководства? – спросил генерал.

С чего бы такое интригующее предложение о встрече? Конкурирующая фирма никогда раньше не проявляла к нему интереса, и вдруг важное дело. Но, если оно не требует отлагательства, почему же председатель не лично позвонил ему, а через помощника? Не все так просто! Значит, произошло нечто весьма важное, какое-то срочное событие заставило их поступить так, иначе для чего ни с того ни с сего представителю Комитета понадобилось с ним встречаться?

Вполне вероятно, что председатель сам пока засвечиваться не желает, вот поэтому и приказал помощнику прозондировать почву. Генерал не сомневался, что сейчас полковник из Комитета наверняка попросит о личной встрече. За много лет службы в разведке генерал Корабелов научился понимать людей.

– Я бы хотел с вами встретиться по конфиденциальному вопросу.

– Хорошо, полковник! Приезжайте. Я сейчас дам команду дежурному по Управлению, чтобы вас встретили внизу и проводили ко мне в кабинет, минуя помощника. Вы когда хотите подъехать? Прямо сейчас? Хорошо! Не забудьте тогда взять служебное удостоверение, предъявите его на входе.

– Товарищ генерал-полковник, а возможен ли другой вариант?

– Да?! – удивленно протянул начальник разведки. – Это какой же?

– Давайте встретимся на нейтральной территории? Ну, скажем, где-нибудь в городе. Мне очень не хотелось бы, чтобы о нашей встрече узнали посторонние люди, даже если это будут ваши сотрудники.

Начальник Управления, услышав столь необычную просьбу, хмыкнул, такого поворота он не ожидал.

«Действительно, наверное, произошло что-то уж очень экстраординарное, если у помощника председателя КГБ возникла такая необычная, даже странная просьба», – подумал

генерал Корабелов. А вслух сказал:

– Ну что ж, хорошо, давайте встретимся послезавтра. В воскресенье. Утром, часов в восемь, на площади Суворова, в парке. Если что-то изменится в планах, сбросите информацию мне на пейджер или позвоните по мобильному телефону, я сейчас вам продиктую номера. Да, машина у меня будет не служебная «Волга», у зятя возьму. Она у него…

– Товарищ генерал-полковник, я знаю ваши телефоны и номер машины зятя начальника военной разведки тоже.

В телефонной трубке раздались короткие частые гудки. Генералу показалось, что собеседник излишне быстро прервал разговор.

– Видимо, действительно помощник председателя не хочет афишировать предстоящей встречи со мной. Очень интересно!

В воскресенье без четверти восемь утра генерал Корабелов подъехал в назначенное место. Начальник Управления, естественно, надел штатскую одежду. Ну не мог же он ранним утром гулять в центре города в форме генерал-полковника, не вызывая при этом ненужного любопытства у посторонних прохожих, и не только у них.

Оставив машину на стоянке около театра, начальник Управления пошел в парк. Генерал предполагал, что полковник из Комитета догадается найти его именно здесь, ведь не у памятника же великому полководцу им встречаться. Корабелов, не торопясь, шагал по аллее. На скамейках сидели ба-

бушки с внуками, детишки постарше стайками бегали по газонам за мячом, здесь же, примостившись на лавочках, старички играли в домино, собрав вокруг себя зевак и болельщиков, ожидавших очереди. По аллеям изредка кто-то проходил. Генерал прогулялся несколько раз по дорожкам парка, он специально приехал чуть раньше назначенного времени.

«Ничего подозрительного не наблюдается, все тихо и спокойно», – по старой профессиональной привычке отметил Корабелов. Когда он решил уже присесть на свободную скамейку, сзади неожиданно раздался приятный баритон:

– Здравия желаю, Иван Федорович! Я – полковник Климов.

Генерал обернулся и внимательно посмотрел на полковника, который подошел тихо и незаметно. «Тоже, поди, приехал пораньше, чтобы оглядеться?» – с одобрением подумал Корабелов. Начальник Управления всегда доверял внутреннему чутью и первому впечатлению. Эти два чувства никогда не обманывали генерала относительно будущего отношения к человеку. Вот и сейчас полковник из Комитета ему понравился с первого взгляда, что случалось крайне редко. Высокий, стройный мужчина, открытый взгляд, сильное рукопожатие. Генерал, сам будучи физически сильным человеком, не уважал, когда мужчина, а тем паче офицер, подавал кисть лодочкой и при этом осторожно, вяло, как бы даже почтительно пожимал начальству руку. Это верный признак сла-

бости духа и характера. Генерал не переносил приветствия типа «добрый день» или «привет» и прочее, считал, что человеку при встрече всегда надо желать здоровья, а потому и говорить следует или «здравствуйте», или, лучше всего, «здравия желаю», как это принято в армии.

– И вам здоровья желаю, полковник! – ответил Иван Федорович на приветствие полковника.

Они недолго помолчали.

– Зовут-то вас как? – спросил добродушно генерал.

Это говорило о хорошем расположении начальника разведки, понял Климов. Перед звонком он постарался узнать самым подробным образом о генерале все, что только было в его силах и возможностях, а возможности у помощника председателя КГБ СССР были весьма и весьма большими.

– Владимиром меня родители назвали, товарищ генерал-полковник, – ответил Климов.

– А батьку как? – вновь спросил Корабелов.

– Отца моего Александром нарекли!

– Прекрасно! Стало быть, ты у нас Владимиром Александровичем зовешься, – перешел генерал сразу на «ты». – Ну а мое имя тебе известно. Ты прости, что я с тобой так фамильярно. Официально-то обращаться друг к другу не стоит, тем более что мы в цивильном платье и в парке, а не в кабинете, правильно я говорю?

Генерал чуть подвинулся, как бы приглашая полковника присесть рядом.

– Ну, о чем ты, Владимир Александрович, хотел поговорить со мной? Перейдем к делу, не люблю я этих тягомотин всяких! Давай сразу по существу вопроса, договорились?

– Как скажете, Иван Федорович! В вашем Управлении, я уверен, имеются данные на новую разработку психотропного оружия, которому американцы дали рабочее название «ген деструктивного поведения»? Все работы, как нам стало известно, проходят под прикрытием и контролем ЦРУ.

* * *

Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США было создано в соответствии с законом «О национальной безопасности» от 18 сентября 1947 года. Главной задачей ЦРУ с момента создания являлось ведение подрывной деятельности против СССР и стран социалистического лагеря после окончания Второй мировой войны.

Наиболее полно задачи ЦРУ изложены в постоянно действующем исполнительном приказе президента США № 12333 от 4 декабря 1981 года.

Штаб-квартира Центрального разведывательного управления находится в Лэнгли, предместье Вашингтона, штат Вирджиния.

В штате числится более 20 тысяч сотрудников. Бюджет в 1991 году составлял более 6 млрд долларов.

Центральное разведывательное управление играет основ-

ную роль в разведывательном сообществе США. Основные функции ЦРУ – осуществление глобального шпионажа, проведение тайных операций, претворение в жизнь вместе с другими государственными учреждениями внешней политики правительства США.

* * *

– А что, собственно, вас волнует, уважаемый Владимир Александрович? – спросил генерал.

– Вы абсолютно правы, что не хотите отвечать на мой вопрос, мало ли кого наша служба может подослать и с какой целью! Сразу оговорюсь, что я пришел по собственной инициативе. Председатель не санкционировал мою встречу с вами. Более того, он даже не знает о ней.

Заметив, как удивленно взметнулись брови генерала, Климов поспешил добавить:

– Вернее, он мне предоставил полномочия еще месяц назад и предупредил, что я могу действовать от его имени, но письменных указаний на сей счет у меня конечно же нет. Верить или не верить – это ваше дело. Поэтому, товарищ генерал, я все подробно изложу, а потом вы сами решите, помогать мне или нет! Только сразу оговорюсь, одному мне не справиться с решением этой задачи, слишком уж она трудна. Прошу поверить, что это никакая не провокация в отношении военной разведки или лично вас.

Полковник замолчал, как бы собираясь с духом, чтобы изложить свое дело.

– Более года назад по линии ПГУ[1] была получена информация о разработке в секретных лабораториях спецслужб США химического препарата с психотропным механизмом действия, с помощью которого можно запрограммировать человека на деятельность исключительно разрушительного характера. Разрушительного не в том смысле, что человек будет все кругом крушить, ломать или убивать всех вокруг, но действиями его можно будет управлять. Из Лондона по каналам нелегальной разведки мы получили сведения, что этот препарат уже использовали, но в очень малых дозах, против весьма важных государственных персон нашей страны и некоторых других государств. Препарат, как стало известно, им вводился периодически, то есть прямо как на испытаниях. Есть данные, что применение прошло успешно. Главный недостаток этого химиката состоит в том, что он пока очень нестоек и быстро разлагается после введения в организм человека при взаимодействии с красными кровяными тельцами. Срок действия препарата невелик, но только пока. Наши эксперты полагают, что эту проблему решат в ближайшее время, или уже решили. Планы по применению препарата у вероятного противника весьма обширны. Американцы ведь давние мастера по тайным операциям.

---

[1] ПГУ – Первое главное управление КГБ, занимавшееся политической разведкой. (Здесь и далее примеч. авт.)

* * *

Выдержка из директивы Совета национальной безопасности США № 10/2 от 18 июня 1948 года:

«…тайные операции представляют собой комплекс агентурно-оперативных, пропагандистских, полувоенных и иных мероприятий по воздействию на политическую, экономическую и военную обстановку за рубежом, которые осуществляются с ведома и согласия правительства США, но таким образом, чтобы его роль не была очевидной или публично признанной… Ответственность за разработку, координацию действий и проведение тайных операций возложить на Центральное разведывательное управление…»

Примерами проведения «тайных операций» могут послужить следующие события:

– попытка свержения правительства Албании, предпринятая в 1950 году;

– свержение прогрессивного правительства доктора Мосаддыка в Иране в 1953 году;

– свержение правительства Арбенса в Гватемале в 1954 году;

– попытка переворота в Чили в 1964 году и военный путч в 1973 году, в результате которого был убит законно избранный президент Сальвадор Альенде и к власти пришел генерал Аугусто Пиночет;

– события, инспирированные в Германской Демократической Республике в 1949 году;

– попытка контрреволюционного переворота в Венгрии в 1954 году;

– развязывание гражданской войны в Анголе в 1975 году;

– оказание помощи афганским мятежникам с 1978 по 1989 год, создание на территории Пакистана группировки «Талибан», предназначенной для борьбы с законным президентом Афганистана доктором Наджибуллой;

– тайный вывоз из Китая в 1989 году участников антиправительственных выступлений;

– операции локального масштаба, проводимые на территориях других государств.

* * *

Генерал молча слушал Климова, ни разу не перебив, не задав ни одного вопроса, и только после того, как полковник закончил, Иван Федорович тихо сказал:

– Ну что ж, аналогичные данные поступали и к нам, но в очень сжатом виде, мы ведь занимаемся немного другими вопросами. От военной разведки что требуется? Военный потенциал противника знать, его возможности и прочие военные секреты.

Генерал конечно же имел подробные сведения по производству этого препарата. Но не мог же он первому встреч-

ному, пусть даже полковнику из КГБ и помощнику председателя, рассказать обо всем, что известно ему как начальнику Главного разведывательного управления. Генерал Корабелов хотел чуть выждать, присмотреться лишний раз, окончательно убедиться, что полковник пришел действительно за помощью, а не с какими-то другими целями и задачами.

– Иван Федорович! Ну, вы же видите, что творится в стране! Порой мне кажется, что этот чертов препарат уже применен против нас всех и мы скоро просто исчезнем, предварительно сломав и уничтожив все в собственном доме. Химикат, который они производят, наверняка попадет в самом ближайшем будущем в организм именно того человека или тех людей, кто им нужен. Я даже убежден, уверен на все сто, что этот самый «ген деструктивного поведения» уже каким-то образом попадал туда, куда следует. Все события это подтверждают. Посмотрите! Ведь разрушение страны идет сверху, причем с самого верху!!! Но отгородить непроницаемой стеной нашего президента от всего мира, а особенно от его помощников и советников, мы не можем. Я вам должен сказать, что руководство Комитета в конце прошлого года санкционировало уничтожение места производства препарата. Мы обнаружили секретную лабораторию. Мы хорошо проработали всю операцию, привлекли достаточное количество сил и средств. В начале лета мы послали боевую группу, шесть человек, из состава диверсионного подразделения внешней разведки КГБ для ликвидации секретной ла-

боратории. Но! К сожалению, наши люди все то ли погибли, то ли их арестовали. Нам неизвестно. Исчезли без следа. Есть подозрение, что ребят сдали еще до прибытия туда.

Полковник не на шутку разволновался, и генерал это заметил.

– Я хочу вам сказать, Иван Федорович, – продолжил после небольшой паузы Климов, – что в нашем высшем руководстве есть люди, которые тут же сообщают своим друзьям за океаном всё! Понимаете? Абсолютно всё! После гибели наших ребят мы их даже вычислили, но поделать ничего не смогли. Они находятся под защитой закона и государства, кто-то из них депутат, кто-то министр, кто-то помощник или советник, ну прямо хоть несанкционированный отстрел начинай. А что делать? Комитет сейчас не тот стал. А президент очень хочет премию мира получить, поэтому его помощники не дают нам шагу ступить без доклада, санкции, согласований и прочих бюрократических препон. Полный контроль президентских чиновников. Ваша же организация под таким прессом не находится, но это пока, товарищ генерал. Думаю, что военная разведка в очереди на реформирование – следующая. Ведь она у многих стоит костью поперек горла, особенно у наших западных друзей. В вашей структуре наверняка есть спецназ, помогите нам, вернее, помогите стране, и это не громкие слова. С ответом вас не тороплю, товарищ генерал, но время уходит. Вот мои телефоны. Звонить я вам не смогу, простите! Сейчас знаете, сколько

доброхотов появилось – первыми прибежать и доложить? До встречи, Иван Федорович!

Полковник Климов встал с лавочки, пожал протянутую руку генерала Корабелова и быстро, не оглядываясь, пошел по парковой аллее к выходу.

Начальник разведки долго размышлял о предложении полковника из Комитета. Конечно, генерал, в силу должности, знал многое. Обстановка в стране складывалась неблагоприятная. Ему ежедневно ложились на стол секретные шифровки с докладами о том, что в последнее время западные спецслужбы стали работать особенно интенсивно, даже, можно сказать, нагло и нахраписто. К его офицерам, не только за рубежом, но и внутри страны, в открытую, не маскируясь и не стесняясь, подходили сотрудники иностранных резидентур и предлагали негласное сотрудничество. Он и сам прекрасно видел, что творилось в стране в последние годы. «А что, собственно говоря, мне терять? Скоро на пенсию, и так уже отслужил больше сорока пяти лет», – усмехнулся Корабелов и снял телефонную трубку аппарата ОС[2].

– Приемная председателя КГБ, у аппарата помощник, – раздался знакомый баритон полковника Климова.

Начальник Управления коротко бросил всего три слова:

– Согласен! До встречи!

---

[2] ОС – оперативная связь, предназначалась для ведения служебных разговоров по телефону как внутри одного ведомства, так и для связи с другими.

* * *

Климов взглянул на календарь. Прошел третий день после разговора с начальником разведки, а генерал Корабелов все не звонил.

«Может быть, не поверил в мою искренность, подумал, что провокация? А почему он, собственно, должен был мне поверить? Мы с ним никогда и нигде не встречались, время сейчас такое, что со знакомыми людьми опасно откровенничать», – раздумывал полковник, собирая на столе бумаги и укладывая в сейф. От невеселых мыслей Климова оторвал телефонный звонок, такой резкий и неожиданный, что он аж вздрогнул. У полковника тревожно забилось сердце: «А вдруг генерал?» Климов поднял трубку и сказал: «Приемная слушает», – как его прервал низкий голос генерала Корабелова. Этот хрипловатый, тихий и неторопливый бас начальника военной разведки полковник узнал бы из тысячи, потому что в глубине души надеялся, что генерал ему все-таки позвонит. Климов очень обрадовался. Он даже хотел поприветствовать Корабелова, но не успел, услышал в трубке короткую фразу: «Согласен! До встречи!». Гудки, раздавшиеся сразу же вслед за этим, возвестили об окончании разговора. Но Климову и этого хватило, чтобы понять, где и как они должны вновь встретиться. Он сразу догадался о генеральской хитрости – если время встречи не назначено, то она

произойдет в те же самые часы, что и три дня назад. Сейчас было уже заполдень: «Все просто! Сегодня уже поздно, стало быть, завтра утром в восемь, в парке. Видимо, генерал решил проверить и мою догадливость?»

* * *

– Здравствуйте, Иван Федорович! – весело проговорил Климов, увидев генерал-полковника.

Начальник Управления имел привычку каждое утро перед работой гулять в парке.

– И тебе не хворать, полковник! В пять вечера в субботу приедешь вот по этому адресу. Там у меня кое-что имеется по нашему делу.

Генерал, заметив, как взметнулись брови Климова, когда он сказал «по нашему делу», усмехнувшись, добавил:

– Не оговорился я, полковник, не оговорился, а ты не ослышался. Именно по нашему делу, подчеркиваю, по наше-му. Есть такие в жизни моменты, которые являются как бы проверкой человеческой совести. Именно они проводят ту черту, через которую переступать нельзя. Я ведь, как и ты, справки кое-какие навел о тебе, конечно. Ты обо мне, а я о тебе. Не надо, не надо делать такие глаза, клясться не надо, что этого не было, не дети ведь. Мы оба рискуем головой, а поэтому я на тебя не в обиде, что старого генерала проверял, даже похвалить готов. Все правильно! Закон разведки что

гласит? «Доверяй, но проверяй!» Мало ли что за столько лет случиться могло. Я знавал людей, которые за линию фронта ходили десятки раз, в банды оуновцев[3] и к бандеровцам внедрялись, смерти не раз в лицо глядели, а через много лет трусами становились и полными подлецами. Всякое бывает. Ты – парень надежный, как я понял, теперь дело за малым – моим ребятам понравиться. А это весьма трудная задача. Я долго думал, кому поручить такое. Сам понимаешь, они ведь не вернутся процентов на восемьдесят, а то и на все сто. Добровольцы нужны, добровольцы и только, понял? Здесь приказом дела не решишь!

– У вас, Иван Федорович, в распоряжении целые бригады спецназа имеются, в каждом округе. Говорят, специалисты классные! Что же, там не найдется с десяток ребят? Я ведь отсиживаться здесь, в Москве, не собираюсь. Тоже пойду с ними!

– Если еще возьмут тебя с собой, а то быстрый какой – пойду! Какой от тебя толк, полковник? Пушечное мясо им не надобно – это первое. Бригады-то у меня действительно есть, и говорят о них много чего, да только не те это специалисты. Солдата, который срочную службу проходит, туда не пошлешь, правильно? Офицеров из бригады тоже нельзя трогать, информация сразу пойдет, а там, естественно, раз-

[3] ОУН – организация украинских националистов, во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. сотрудничала с оккупационным фашистским режимом, после войны стала одним из основных источников пополнения бандформирований и агентурных сетей на территории советской Украины.

говоры – кто, куда, почему, для чего, и прочее. Но есть у меня один отрядик, небольшой такой, малюсенький, как говорится, мой личный резерв. Про него даже мой первый заместитель ничего не знает, не должен по крайней мере до поры до времени, но тебя с ними придется познакомить. Вот этих ребят можно попробовать, но только при одном условии, – если они захотят сами. Неволить и приказывать никому не буду! Ладно, потом поговорим! До встречи!

Корабелов дружески хлопнул Климова по плечу и направился к выходу из парка. Начальник Управления не стал лукавить с полковником. Генерал прекрасно понимал, какие последствия ожидают их в случае провала, а поэтому сразу расставил все точки над «i». Климов рисковал больше, нежели он, начальник разведки. «Ну что со мной сделают? Могут уволить на пенсию, да через год все равно уходить, и так засиделся, ведь все-таки шестьдесят пять. Увольнение – вот и все наказание. А у того вся жизнь впереди. Загубить можно в два счета, а такие ребята, как он, потом обязательно будут востребованы, их честность, порядочность, профессионализм. А те кто пошел нынче вверх – сплошная серость. Время политической шантрапы!» – размышлял Корабелов, сидя в салоне служебной машины. Генерал действительно наводил справки о помощнике председателя КГБ. В Управлении даже нашлись офицеры, которые знали и помнили Климова, тогда еще майора, по Афганистану. Полковник служил советником сначала заместителя начальни-

ка, а потом и начальника управления Министерства государственной безопасности по провинции Герат. Армейские разведчики характеризовали его положительно: за чужими спинами не отсиживался, с афганцами в боевые рейды ходил, с войсковыми ребятами развединформацией делился. Для генерала рекомендации подчиненных значили очень много, а если точнее, они имели решающее значение для его согласия на встречу с Климовым.

Поднимаясь по лестнице в кабинет, генерал подумал: «И куда я на старости лет лезу? Уйти, что ли, завтра на пенсию? Написать рапорт – и на дачу, рыбу ловить, по грибы ходить, на охоту ездить. Да нет, поздно, уже ведь дал согласие. Если откажусь, какой пример подам этому молодому офицеру? Чего уж теперь плакать по волосам, когда голову на плаху положил!»

Глава 3. На конспиративной квартире

Мы прошли к большому круглому столу, стоявшему прямо по центру комнаты. «Раньше его тут не было, – отметил я, – по всей видимости, специально привезли для нашей беседы. Серьезные, серьезные дела разворачиваются. Стол, такой большой, для обедов не привозят!» Я не обманулся в своих предчувствиях, когда увидел, что там лежало. На полированной поверхности красовались стопки различных документов, схемы, карты, фотографии. Наверное, до моего приезда начальник Управления и полковник из Комитета обговаривали кое-какие аспекты предстоящего дела. Сомнений в том, что речь идет о планировании важной операции, не было, иначе генерал не стал бы вызывать меня, командира отряда специального назначения. Начальник Управления заговорил первым, как и положено старшему по званию и должности. Он прокашлялся, словно собирался зачитывать доклад, такая уж у него привычка выработалась с годами, и начал:

– Торопиться не будем, надо все подробно и обстоятельно обсудить, чтобы потом, когда начнем работать, комар носа не подточил. Ответственность всю беру на себя, не вам же, полковникам молодым, взваливать ее на плечи, поэтому можете быть спокойными и на всякие мелочи не отвлекаться. Сразу же хочу предупредить тебя, Александр Владими-

рович, что шансы после завершения операции выйти обратно домой близки, я бы даже сказал, равны нулю, да и само выполнение задания под большим сомнением, хотя я верю в успех нашего предприятия, коли ты возьмешься за это дело. Приказывать я тебе не могу, не хочу, да и не буду. Если согласишься пойти, то исключительно добровольно. Ребят надо взять толковых. Ведь пойдут с тобой на… короче говоря, на очень опасное дело пойдут! Вот, собственно, с чего я хотел начать.

Полковник из Комитета, глядя мне в глаза, добавил:

– Сразу хочу поставить в известность Александра Владимировича, что председатель наделил меня огромными полномочиями в рамках нашего ведомства, поэтому с нашей стороны мы готовы предоставить любую, я подчеркиваю, любую информацию, которая имеется в распоряжении службы или будет получена при помощи ее возможностей. Кроме информации можете располагать всеми нашими силами и средствами оперативного характера. Материальные ресурсы ведомства и научный потенциал тоже в полном вашем распоряжении.

«Ого-гошеньки-го-го, – подумал я, – серьезное, стало быть, дело намечается, коли сразу, с порога, разговоры пошли такие». Было видно, что генерал здорово нервничает, даже пуговицу на рубашке забыл застегнуть и папиросу пальцами размял до такой степени, что табак весь просыпался через гильзу на стол и ему на брюки.

«Особый период намечается? Но тогда бы весь отряд собрали! Хотя для чего? Ведь задачу можно поставить и мне одному? Ладно, сейчас узнаю, в чем тут суть», – по привычке начал я мысленные рассуждения, но долго размышлять не дал Иван Федорович. Он строго взглянул на меня, будто угадал, о чем я думаю, и, покачав головой, продолжил:

– Прошу не отвлекаться даже в мыслях, товарищ полковник. Особым периодом не пахнет. Дело совершенно в другом. По линии научно-технической разведки из весьма надежных источников к нам в Управление поступила интереснейшая информация. Кстати, аналогичные сведения по своим каналам получила и внешняя разведка Комитета. Суть состоит в следующем. С территории Турции наши нынешние заокеанские «друзья» планируют провести акцию, последствия которой можно было бы использовать в будущем…

Я прекрасно знал, что перебивать старших нехорошо, а генералов и начальников – тем более, но, как всегда, не удержался и вставил вслух свою мысль:

– Неужели всю нашу водку собираются скупить или ликероводочные заводы страны обанкротить? Так ведь нас этим не испугаешь, самогон начнем варить.

Начальник Управления опешил и остановился на полуслове с открытым ртом, а полковник из Комитета громко засмеялся. Я понял свою оплошность и даже сам немного испугался нетактичной шутки. Генерал же хмыкнул себе под нос и покачал осуждающе головой. Мои шутки-прибаутки

всегда ему нравились, и он не обращал на них внимания, но в этот раз, напустив на себя строгость, сказал:

– Александр, ты прямо как ребенок, ей-богу! Ну что подумает человек из серьезного ведомства, а подумать он может только…

Генерал сделал выразительную и весьма многозначительную паузу, осуждающе покачивая головой.

– Извините, товарищ генерал, что перебиваю вас, – не дал договорить ему Климов, с трудом сдерживая желание вновь рассмеяться. – Не ругайте полковника! Наоборот, очень приятно, что ваши люди даже при обсуждении столь важных и трудных вопросов не теряют чувства юмора. С такими намного приятнее иметь дело, честное слово!

Я внимательно посмотрел на Климова, стараясь понять, говорит ли тот от души или так, ради приличия, чтобы меня выгородить? Это было важно. Ведь нам предстояло делать работу вместе, поэтому и хотелось подробней изучить характер и настроение этого неизвестного человека. Пока комитетчик[4] мне нравился. Мы с генералом частенько разыгрывали и не такие спектакли, чтобы разобраться в людях, с которыми приходилось беседовать или раскручивать для дальнейшего использования. Полковник мне был симпатичен своей искренностью, с ним можно было иметь дело.

Молчание длилось недолго. Генерал внимательно обвел

[4] Комитетчик – в обиходе название сотрудника Комитета государственной безопасности.

всех взглядом и продолжил далее уже тоном, который я прервать не посмел бы:

– Итак, на чем мы остановились? Ага, значит так, они собираются провести акцию с далеко идущими последствиями. На берегу озера оборудована секретная лаборатория. Все выглядит буднично, потому как замаскирована эта самая лаборатория под обычную турбазу. И самое удивительное, что она действительно функционирует, как самая настоящая турбаза, то есть туда приезжают туристы, ходят по маршрутам, загорают, катаются на водных лыжах и гидромотоциклах, короче, маскировка отличная, лучше придумать невозможно. Места там прекрасные и живописные. Туристы едут туда на отдых с большим удовольствием.

Я не стал перебивать генерала добавлениями, а тем более вопросами, но про себя подумал: «Расписывает все прелести так, словно сам отдыхал на этом курорте».

Начальник Управления тем временем взял со стола большой пакет и со словами: «На, скептик, посмотри!» – протянул его мне. Я взял пакет и вскрыл его. Там лежала пачка цветных и черно-белых фотографий, на которых в различных ракурсах были изображены какие-то строения. Снимки отличались высоким качеством, на них все просматривалось очень и очень подробно, видимо, специалисты поработали весьма основательно и добросовестно. Мои предположения подтвердили слова генерала, который сказал:

– Это – объект нашего интереса и вашего проникновения.

– А разве в КГБ нет своего отряда? В Первом главке «Вымпел» – отличное подразделение! – обратился я к генералу, рассматривая фотографии.

– Одна попытка предпринималась, но закончилась ничем, а если говорить точнее, то полным провалом. Но об этом потом полковника Климова расспросишь, – кивнул генерал в сторону стоявшего у стола офицера из Комитета государственной безопасности. – Ребята из военной и комитетовской разведок хорошо отработали свой хлеб и умудрились сфотографировать всю территорию турбазы со всех вероятных направлений, откуда можно было бы к объекту подступиться. Вот, смотри! Здесь есть виды и со стороны озера, и с горных склонов, и с центральной автострады. Имеются фотографии и внутреннего расположения коттеджей. Внимательно, внимательно все изучай! Пригодится!

На столе лежали и черно-белые снимки, сделанные, по-видимому, из космоса, на которых можно было подробно рассмотреть расположение всех строений на территории турбазы. Где лаборатория, стало ясно сразу, как только я увидел именно эти снимки. Особняком от стройных рядов коттеджей, где, наверное, размещались туристы, находилось несколько отдельных домиков. Они были отгорожены от основной массы домов зарослями колючих кустов, то есть живой изгородью высотой приблизительно метра два. Мне сразу пришла в голову мысль, что среди ветвей наверняка спрятаны малозаметные препятствия и прочая электронная ерун-

да, не позволяющие проникнуть на объект, не подняв шума или тревоги на пульте охраны.

– Система безопасности там наверняка серьезная! А что они, собственно говоря, там изготавливают или разрабатывают, если такая мощная охрана, и чего вдруг так испугалось наше руководство? – поинтересовался я у генерала и полковника, спрашивая их как бы одновременно.

– Сейчас тебе Владимир Александрович все подробно доложит, а я тем временем самовар поставлю да чайку заварю, сидеть ведь всю ночь придется, я думаю, и днем прихватим еще несколько часов, если не целый день. Обмозговать надо все так, чтобы провала не было и чтобы домой всем вернуться, – сказал генерал.

Немного помолчав, он добавил:

– По возможности, конечно.

И вышел из комнаты на кухню, оставив нас одних.

Климов встал из-за стола, подошел поближе ко мне и четко, по-военному, начал докладывать:

– По нашим сведениям и по данным военной разведки, полученным агентурным путем и при помощи технических средств, в лаборатории, расположенной на турбазе, разрабатываются опытные образцы химического вещества широкого спектра действия. Сейчас объем выпускаемого препарата ничтожен, но вскоре его начнут производить в большом количестве. Следует подчеркнуть, что производимый на турбазе химикат – довольно опасный вид психотропного пре-

парата, который в недалеком будущем можно будет использовать и качестве боевого отравляющего вещества. Способ и механизм его воздействия досконально неизвестен, но мы точно знаем, что этот препарат активно влияет на психику человека, его мозг и центральную нервную систему. У нас чисто случайно оказались десятые миллиграммы этого вещества. Наши химики произвели анализ и сделали соответствующие выводы о его фармакологии и прочих характеристиках. Но это не все! Оказывается, лет пятнадцать назад в нашей стране проводились аналогичные опыты. Это вещество могло бы совершить переворот в лечении многих болезней, связанных с расстройством человеческой психики. Но работы были свернуты. Причины неизвестны, просто приказали свернуть работы без всяких объяснений, и все! После небольшого расследования выяснилось, что причины оказались самыми типичными и тривиальными, просто-напросто руководитель приревновал к будущей славе, а ученик не захотел поделиться – вот и вся подноготная остановки в конечном итоге перспективной научной разработки. В институте микробиологии нам дали консультации по поводу тех работ и заявили, что они не привели к положительным результатам, ученые не могли закрепить характеристики препарата или еще что-то там – это вторая причина, почему работы свернули. Нами установлено, что в течение длительного времени американцы проводили эксперименты с аналогичным веществом и достигли положительных результатов.

Сейчас применение препарата затруднено, ибо ввести его в организм человека можно только вместе с пищей, но ведется и разработка новых способов воздействия, например, через органы дыхания, через кожу, и так далее. Разработчики придумали препарату оригинальное название «ген деструктивного поведения». Опыты проводятся прямо на месте производства вещества, то есть на турбазе, непосредственно на отдыхающих. Им вместе с пищей дают препарат в определенной концентрации и потом через время отслеживают результаты опытов. Некоторые отдыхающие находятся под контролем и наблюдением даже после окончания отдыха. Нам доподлинно известно, что вещество это оказывает влияние на человека и его психику на генном уровне, меняя структуру генетических процессов и программируя наследственность в нужном направлении и с определенными необходимыми, я бы даже сказал, заданными качествами. Механизм работы этого препарата весьма сложен, понять его можно только при наличии самого вещества или технологии его производства. Почему это так нас интересует? Дело в том, что при введении препарата в организм в нем происходят непонятные процессы, но через какой-то отрезок времени при произнесении определенной ключевой фразы человек начинает неосознанно выполнять действия, порой не отвечающие даже его личным интересам, желаниям и убеждениям. Причем эти действия будут носить абсолютно алогичный и деструктивный характер. Управлять объектом воздействия можно через что

угодно, например, посредством телефона, радио или телевидения, даже с помощью поздравительной праздничной открытки, на которой будет написан нужный текст. Представь себе: кто-то выступает с рекомендациями, скажем, с телеэкрана, говорит, как следует решать те или иные экономические, военные, промышленные, политические, национальные и прочие проблемы, а слушающий потом их выполняет точно и в срок. Сведения об успешных результатах проведенных опытов на людях у нас имеются. Результаты эти впечатляют до ужаса. При желании и соответствующих указаниях применить этот препарат можно на самом высоком политическом уровне, например, для воздействия на любого лидера иностранного государства, при этом главное – накормить его этим веществом. Вот и политика глобального контроля. Мечта «золотого миллиарда», для которого трудится весь остальной мир, сбылась. Здорово, да?

– Интересно! Очень интересно! И отлично придумано, насчет глобального и всеобъемлющего контроля! А почему американцы у себя не производят препарат, этот «дефективный ген»? Ведь на своей территории легче обеспечить безопасность, сохранность и прочее. Все-таки здесь чужая страна, хотя и натовская, но работа слишком уж секретная, а в случае огласки, так еще и скандальная. Представляешь, какой вой поднимется в мире, когда узнают об этом «дебильном» гене. Есть на этот счет какие-нибудь мысли у дружественной организации?

Как-то незаметно друг для друга мы перешли на «ты».

– Конечно, с одной стороны, правильно, Турция – это их союзник по блоку НАТО…

* * *

Организация Североатлантического договора (НАТО) создана по инициативе и под руководством США. Документ о создании был подписан в Вашингтоне 4 апреля 1949 года. Первоначально в организацию входили 12 государств: США, Великобритания, Франция, Италия, Канада, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Португалия, Норвегия, Дания, Исландия; с 1952 года – Греция и Турция; с 1955 года – ФРГ(Зап. Германия); с 1982 года – Испания.

НАТО с самого начала стала активным орудием в руках Вашингтона в проведении политики «холодной войны» и силового воздействия на СССР в годы после окончания Второй мировой войны. В этой связи НАТО имела основными целями превратить эпизодическое устрашение в постоянную угрозу военного вмешательства во внутренние дела Советского Союза и усилить подрывную деятельность против социалистических стран в послевоенной Европе. По существу, территория Западной Европы служила своеобразным военным плацдармом, нацеленным против нашей страны.

По состоянию на 1991 год США имели в Европе группировку сухопутных сил общего назначения численностью бо-

лее 355 тысяч человек, 220 пусковых установок баллистических ракет, 5000 танков, 2500 орудий и минометов, более 5000 пусковых установок противотанковых управляемых ракет (ПТУР), 1200 боевых самолетов, из них свыше 400 истребителей-бомбардировщиков, около 200 боевых кораблей, 54 ударные подводные лодки, 7 многоцелевых авианосцев. В странах НАТО размещено свыше 7000 ядерных боеприпасов.

После самоликвидации СССР и роспуска Варшавского договора советские войска были выведены с территорий всех бывших социалистических государств и, таким образом, расформированы крупные воинские соединения, части и подразделения Южной, Центральной, Северной групп войск и группа советских войск в Германии общей численностью около 1 миллиона человек и более 60 000 танков.

Группировка сухопутных войск США в Европе даже после окончания «холодной войны» и ликвидации так называемой «советской угрозы» значительных сокращений не претерпела.

(Сведения из Ежегодного сборника Лондонского института стратегических исследований.)

* * *

– …Но это только с одной стороны, а с другой! Здесь все намного тоньше и хитрее. Американцы, наши нынеш-

ние «друзья и союзники», не такие простачки, да и не были они никогда простачками-дурачками. Это мы со своим новым мышлением кажемся им таковыми, потому как все им показываем и рассказываем. Я думаю, они правильно поступают. У себя в Штатах для них больше вероятности засветиться перед журналистами, чем здесь. А если те пронюхают что? Представляешь масштабы скандала, который они раздуют, если обнаружат, что у них производят такой препарат и еще испытывают его на американцах? А здесь глухомань, туристы приезжают преимущественно из Европы, причем восточной, а над такими, как мы, мы же ведь для них – люди второго, если не третьего, сорта, можно и поэкспериментировать, как над подопытными кроликами. Это – во-первых. Во-вторых, мы с Иваном Федоровичем думаем, что здесь легче соблюдать режим охраны и обеспечивать контрразведывательное прикрытие: все кругом просматривается, имеются и связи с местной полицией, которую прикармливают или даже содержат. Здесь любой вновь появившийся человек сразу попадает под наблюдение местных спецслужб. Маскировка очень удачная – под горный курорт. Но основное, почему они выбрали это место, – шикарная возможность и благоприятные условия для практического применения разрабатываемого препарата с одновременным контролем результатов опытов. Ну, где еще они нашли бы такое место? Если случится что, всегда можно оцепление выставить, блокпосты, патрули и вообще особое положение ввести.

– Понятно! А по поводу охраны? Система, порядок, режим – эти моменты известны?

По его взгляду я понял, что мой вопрос поставил в тупик не только полковника из Комитета, но и вошедшего в комнату генерала. Иван Федорович нахмурил лоб, вынул из кармана брюк любимую вересковую трубку, которую курил в минуты наивысшего волнения, и, набивая ее табаком от папирос «Герцоговина Флор», прошелся в полном молчании несколько раз по гостиной. Молчание длилось довольно долго. Наконец генерал сказал:

– После неудачной попытки спецназа КГБ проникнуть на объект шума было много, но нам официальных претензий не предъявляли. Ребята погибли все до единого, по крайней мере сведений, что они живы, ни у Комитета, ни у нас не имеется. Вообще что и как там происходило, – мы ничего не знаем. Режим охраны там, конечно, сменили: что-то усилили, улучшили и прочее, поэтому вам на месте придется вскрывать систему охраны объекта. С прежними схемами вас, конечно, ознакомят, но после той неудачной попытки они, естественно, все поменяли. И последнее, чтоб не оставалось никаких недомолвок и прочих недоразумений, – мы должны сказать тебе, Александр, что действуем без санкции руководства страны. Вот так! На свой, значит, страх и риск. Тебя надо было, конечно, сразу предупредить. Владимир Александрович предлагал, да я чего-то не согласился. Извини, но можешь отказаться. Я пойму. Приказывать и посылать тебя

на верную смерть не могу, да и не хочу. Если даешь согласие, тогда ты для всех в отпуске. Подготовка – до восемнадцатого августа. Крайний срок – к двадцатому числу. К этому времени группа должна быть собрана, лучше чуть пораньше. Еще раз повторяю, риск такой, что о нем даже думать не хочется, не то что говорить, так что подумай, прежде чем согласие давать.

– Иван Федорович! А что вдруг так секретно? Разве для нашего руководства факт разработки принципиально нового психотропного оружия не важен? Для страны, например, для армии, для народа? Наконец, для будущего нашего и наших детей?

– А ты будто не знаешь и сам не видишь? Мы сейчас сильнее всего дружим с теми, у кого камень, целый булыжник, за пазухой. Кому и как прикажешь докладывать? Да его некоторые начальники, недавно назначенные, – генерал кивнул на Климова, – тут же на улицу Чайковского побегут! Да, да! Побегут! Межрегиональная депутатская группа вообще из американского посольства не выходит. Так что ставить в известность наше руководство нельзя. На всякий случай! Я не говорю, что все руководство бегает… но на всякий случай… Короче, действуем самостоятельно, на свой страх и риск. Некогда нашему руководству! Грызня у них там сейчас идет на самом верху, грызня за личную власть. Вот так! Ну? Согласен?

– А как же полномочия? Блеф?

– Тут ты можешь не беспокоиться, Александр. Все, что я говорил про возможности Комитета, – это правда. Все силы и средства задействованы и находятся в твоем распоряжении.

Он еще хотел что-то сказать, но неожиданно генерал, перебив его, вступил в разговор:

– Он же доверенное лицо. От имени того самого лица и действует!

– А если кто проверит? – задал я естественный вопрос.

– Что ж, вопрос резонный, – сказал полковник Климов. – Ответ прост – вопросом на вопрос! А кто может, будет или посмеет приказы самого председателя КГБ проверять и подвергать сомнению полномочия его помощника? Тем более, все проходит под грифом «совершенно секретно». Блеф имеет место быть, но, как говорил один умный человек: «Цель оправдывает средства».

– Значит, как говорится, я смогу работать по своему усмотрению и по собственному плану, полная свобода? – опять спросил я, обращаясь к генералу.

– Конечно! Только без самодеятельности и глупостей, – ответил тот.

– Ну, это ведь совсем другой коленкор, – обрадовался я, – так бы сразу и сказали. А сколько человек в курсе дела?

Иван Федорович поднял сжатую в кулак правую руку и распрямил, поочередно и молча, указывая на каждого из присутствующих в комнате, три пальца. Это значило, что он,

полковник Климов из Комитета и я. Немного помолчав, генерал добавил, глядя пристально мне в глаза:

– Помощи тебе, полковник, ждать будет неоткуда, надеяться тоже не на кого, только на себя, поэтому подобрать нужно людей надежных и самых толковых. Приказывать не могу, на серьезное дело идете. Выбраться оттуда будет крайне сложно, но, правда, содействие пограничного спецназа Владимир Александрович обещал. У него там командир отряда – хороший друг, однокашник. Здесь, на территории Союза, мы будем ждать вас во всеоружии, когда обратно пойдете. Ох, и сложно же там будет! Кого думаешь взять с собой?

Я ответил быстро:

– Три человека, думаю, будет вполне достаточно для решения поставленной задачи.

Генерал и полковник из Комитета переглянулись и вопросительно посмотрели на меня, видно, их смутило решение взять с собой только двоих бойцов. Но не мог же я взять весь отряд?

– Чем больше народу, тем сложнее остаться незамеченными.

– Один из троих, конечно, ты! – сказал генерал. – Второй, бесспорно, Дед, то есть прапорщик Сокольников, а третий кто?

– А третьим будет майор Чернышев, наш с прапорщиком крестник!

Глава 4. Майор Чернышев Алексей Николаевич

Группы армейского спецназа действовали всегда одиночно и скрытно. Они не выходили в эфир, и вертолеты забирали их по сигналу радиомаяка, вылетая в заранее обозначенный район.

В тот день после завершения работы мы возвращались на базу, до района ожидания, откуда нас должны были забрать вертушки[5]. Желая сократить дорогу, я повел группу несколько иным маршрутом, через заброшенный кишлак. Еще не поднявшись на гребень гряды, с которой начинался спуск в долину, мы услышали ожесточенную перестрелку. Где-то недалеко шел бой.

У прохода, ведущего на сопредельную территорию, держали оборону наши десантники. Почему их было не более взвода и отчего солдат не поддерживали с воздуха, нас тогда не интересовало. Мы видели, что десантники несут потери от превосходящего впятеро, а может, вдесятеро, противника, а мы не можем им помочь. Ведь расстояние в горах – это не на равнине! Здесь километр можно пройти за пятнадцать минут, а можно и за час или за сутки, как повезет! Мы наблюдали в бинокли за происходящим, но добраться смогли

[5] Так на военном жаргоне называют боевые и транспортные вертолеты.

лишь через двенадцать часов, когда было уже поздно. Мне не пришлось увидеть, как молодой капитан, когда закончились патроны, поднял бойцов в рукопашную и сам лихо рубился с душманами[6], калеча и убивая их саперной лопаткой.

На двух высотах, расположенных по сторонам прохода, мы вскоре обнаружили наших десантников. Живых среди них не было. У нас не было с собой радиостанции, поэтому вызвать вертолеты мы не могли.

Я собрал бойцов группы на импровизированное совещание.

– Товарищи офицеры! По всей видимости, наши коллеги-разведчики случайно обнаружили этот проход в горах и поняли, что через него можно уйти, вот они и оседлали господствующие высоты. Мы видели, что их было здесь около взвода или чуть более. Погибших двадцать человек. Значит, остальных захватили в плен. Будем искать все, что может указать, куда их потащили, – приказал я бойцам.

После небольшой паузы добавил:

– Живых или мертвых! На карте этого прохода нет. Ведет он предположительно в Пакистан. Свою задачу мы выполнили. Можем по прибытии на базу доложить, что здесь произошло, а можем заняться поисками сейчас. У кого какие соображения?

Все офицеры группы высказались за поиски, невзирая на

---

[6] Душманами в Афганистане называли мятежников и бандитов, воевавших против законного правительства и советских войск ограниченного контингента.

то, что мы сами неделю лазали по горам и почти не выходили из боев. Таков закон боевого братства – не бросать своих. Мы сложили тела погибших ребят в одном месте, забросали их камнями и ветками. После чего установили радиомаяк, по которому сюда должны прибыть вертолеты, закрепленные за моей группой.

– Командир, а ты не думаешь, что при отходе «духи» могли заминировать проход? – спросил один из офицеров.

Вопрос был вполне резонный.

– Не думаю, хотя я, например, заминировал бы, – вступил в разговор прапорщик Сокольников.

– А почему ты так думаешь, Дима?

– Потому, что «духи» уходили впопыхах, торопились, разведчики их здорово потрепали. К тому же они боялись, что их могут атаковать с воздуха.

– Логично! Но соблюдать надо все меры предосторожности. А потом, они захотят сюда вернуться. Проход-то замаскирован. А разведчиков они уничтожили. Вот и получается, что свидетелей нет. Зачем же им тогда всякий раз мины ставить, снимать, ставить, снимать? Утомительно это и нецелесообразно.

Я выслушал соображения всех бойцов и сказал:

– Думаю, что мины они не ставили, но максимальное внимание – это главное при передвижении. Тогда вперед!

Мы устремились в горный проход, который напоминал лабиринт Минотавра, заблудиться в нем можно было в два сче-

та. Несколько раз мы упирались в тупик, приходилось возвращаться. Сил и времени было потрачено очень много. Мы ходили, ползали, рыскали, кружили по горам, словно волки, но след наших ребят все-таки обнаружили.

К исходу дня мы вышли к кишлаку. Бандиты забрались сюда для отдыха после боя. Пленных солдат они держали в глубокой яме, вырытой под домом в самом центре кишлака. Я лежал за камнем и наблюдал за деревней.

– Командир! – зашептал мне на ухо Димыч. – Ребят надо вызволять! Для них каждый проведенный час, день в плену – смерти подобен.

– Один ты среди нас такой сердобольный нашелся, а то я без тебя, что ли, не знаю, поучи курицу яйца нести! Как их только вытаскивать? Думаешь, мне их не жалко? – огрызнулся я, обидев ни за что ни про что своего друга. – Извини, Димыч! Но ты знаешь, что мы на пакистанской территории? Это ж потом скандал на международном уровне.

– Да прекрати ты! – ничуть не обидевшись, горячо зашептал Димыч. – Пропади он пропадом, тот скандал. Скажем, чуть что, мол, случайно здесь оказались. Командир! На войне как на войне! Я и один могу пойти, а там пусть хоть под трибунал отдают, мне будет уже наплевать.

– Случайно отклонились на тридцать верст? Горячку-то не пори! Один он пойдет! Тоже мне, Рембо Шварцнегеров. Все вместе пойдем. Даже если ты один пойдешь, отвечать мне придется. Помереть – дело нехитрое, особого ума не на-

до. Вот ребят вытащить – это совсем другая работа! А то один, умру, хоть под трибунал! Короче, всю ответственность беру на себя, а там, как судьба положит! Победителей не судят, так, что ли, говорят?

– Да вроде те слова Наполеону принадлежали, хотя, возможно, я и ошибаюсь, и они твои, – зашептал прапорщик, повеселев.

Ну что делать, любил Димка повоевать.

Душманов, по моим расчетам, было около шестидесяти-семидесяти человек, а может, и больше. Нас – в пять раз меньше. Силы, конечно, неравные, но мы же ведь спецназ, поэтому наше преимущество – внезапность, подготовленность и вера в себя. Я нащупал на переговорном устройстве кнопку вызова и трижды нажал ее. В наушниках каждого бойца группы прозвучал зуммер, который означал работу исключительно на прием. После получения ответных сигналов о готовности я передал всем команду: «Внимание! Начнем под утро! В оставшееся время вести наблюдение и проверить оружие!» Я понимал, что отдыхать бойцы не будут, какой бы приказ и от кого бы ни получили, ибо не то время и не та обстановка, чтобы лечь и спокойно уснуть. Все думали о наших парнях, которых предстояло освободить, причем желательно живыми.

С наступлением утра, когда рассвет только забрезжил, мы начали спускаться с гор. «Духи» тоже поднялись очень рано. Они, по всей вероятности, не собирались здесь задержи-

ваться, а торопились уйти подальше, ведь граница-то с Афганистаном – рядом. Видимо, тащить с собой раненых наших солдат представлялось им весьма тяжелым и хлопотным делом, поэтому они решили от них избавиться. Бандиты стали добивать восемнадцатилетних мальчишек контрольными выстрелами в затылок. Мы были потрясены до ужаса. Я ненароком посмотрел на Димыча и увидел, что по его щекам текут слезы. Плакал не один он, плакали все, плакали, не стесняясь, ибо слезы те были слезами негодования и бессилия оттого, что мы слишком далеко и не можем спасти своих, наших солдат. Последними словами я ругал себя за то, что не дал приказ вечером, хотя в темноте мы навряд ли смогли бы успешно провести операцию. Слишком уж темна была ночь накануне трагического утра. По цепочке я передал бойцам приказ: «Пленных не брать! Подонков этих, всех до единого, карать жестоко, казнить без жалости и сострадания. Акцию проводим тихо, без стрельбы. Ножи к бою! Я и капитан Лебедев замыкающие! После рукопашки действовать как всегда. Все в стороны, и мы с Сергеем начинаем работать из автоматов! Действовать четко по расписанию и расчету! Вопросов нет? Тогда вперед!»

Это означало, что после нападения бойцы отряда должны постараться максимальное количество противника уничтожить тихо и без шума. Мы, то есть я и капитан Лебедев, после того, как «рукопашники» закончат, должны положить из автоматов оставшегося в живых противника на землю и не

давать ему поднять головы. Опустошив магазины, мы быстро отходили, дабы не помешать стрельбе отработавших ножами бойцов и не попасть в зону поражения их автоматов. Такие нападения мы тренировали не один раз, причем в различных вариациях, но на практике как-то не довелось применить и проверить свое умение. Сейчас же такой случай подвернулся.

«Духи» даже не успели ничего понять, когда через глиняный забор во двор, где они расстреливали наших ребят, посыпались неизвестные люди. Бандиты и стрельбу ответную не смогли открыть, ибо каждый из наших бойцов за минуту расправился с тремя душманами. Толчеи не было. Мои офицеры действовали слаженно. Не зря, стало быть, тренировались на полигонах до седьмого пота. Но только все равно мы опоздали.

Все наши пацаны лежали дружно в одном месте. Зрелище было страшное. Я не буду пересказывать подробности, ибо не всякий человек сможет выдержать такой рассказ, да и мне самому вспоминать увиденное тогда в горном кишлаке не хочется, горько становится, горько и печально.

– Командир, – доложил капитан Стэнлер, – это не база отдыха. Здесь у них штаб. Мы обнаружили мощную радиостанцию, склад боеприпасов и медикаментов, телефонный коммутатор на сто номеров и уйму документов.

– Отлично, Владислав! Документы с собой, остальное заминировать и сжечь! По радиостанции свяжитесь с вертолет-

чиками, дайте координаты, и пусть приходят за нами сюда. Ничего страшного, мы всего-то углубились на девять километров. Думаю, пакистанских пограничников здесь нет. Пока нет! Действуй, Владик!

– Слушаюсь, командир! – козырнул капитан.

Связь была установлена быстро. На базе волновались, по сигналу нашего радиомаяка забрали не мою группу, а погибших десантников. «Вы их все-таки нашли? Молодцы! Только ваша группа на территории Пакистана, вы об этом знаете? Но я высылаю своих разведчиков вам на помощь. Дайте координаты!» – кричал командир полка так, что было слышно всем, кто стоял рядом с радистом. Наши вертушки стояли на аэродроме в Джелалабаде и должны были прилететь через час-полтора – это в лучшем случае. Мы стали переносить тела наших ребят в тень, когда вдруг по нам начали интенсивно стрелять, а группа охранения доложила, что попала под плотный огонь. Этого и следовало ожидать, ведь мы не смогли перебить всех «духов». Поэтому бандиты, вскоре очухавшись, решили, по-видимому, отбить тела расстрелянных ими солдат и пленить или убить еще и нас. Мы знали, что за каждого убитого советского солдата и офицера платили хорошие деньги, причем в долларах США. Кто платил? Ну, я думаю, известно кто – наши «лучшие» друзья.

Мы находились почти на окраине деревни. Оборону держать в таком положении весьма затруднительно, особенно когда в группе всего двенадцать человек, пусть даже очень

подготовленных. Одно дело – внезапно напали, сделали работу и отошли, или господствующую высоту оседлали, когда противник внизу, пункт управления захватили, резиденцию чью-нибудь штурманули, а здесь все по-другому. Начинался самый обычный войсковой бой, который, к сожалению, мы не могли долго вести. Не наше это дело и не наша тактика – вести затяжные боевые действия, но так уж сложились обстоятельства, что выбирать не приходилось. Мы очутились хоть и за забором, но на открытом дворе, а «духи» наступали, используя естественные укрытия и деревья, растущие вокруг нашего убежища. Они могли легко забросать нас гранатами, но, видимо, очень уж им хотелось захватить в плен «шурави»[7], жадность к деньгам душила их, поэтому и лезли они упорно и настойчиво, чтобы осуществить свой план. Нужно отдать бандитам должное, воевать они умели, и неплохо. Мы же старались не подпускать «духов» близко к дувалу. Но долго так длиться не могло. У нас появились первые раненые. «Дальше будет больше», – только успел я подумать, как что-то обожгло левую руку и отозвалось тяжелой болью в плече. Пуля, пройдя навылет прямо под мышкой и, к счастью, не задев кость, на какое-то время вывела меня из строя. «Вот тебе и на! Сглазил сам себя, балбес! Ладно, хватить ныть, о деле надо думать! Вертолеты здесь сажать нельзя, их запросто подобьют. Но летчикам не прикажешь,

[7] В переводе с языка дари означает «советский». Так в Афганистане называли всех без исключения специалистов из СССР.

а они без нас отсюда не улетят, будут кружиться, пока керосина хватит, считают себя тоже спецназовцами, работают с нами уже почти год. За подлость посчитают и трусость уйти без нас. Вертолеты нужно встречать наверху, там есть удобная площадка. От деревни до нее полтора километра. Ох-хохо! И дорого же будут стоить нам эти две тысячи шагов!» – лихорадочно думал я, тщетно пытаясь перебинтовать руку. Ко мне подполз капитан Андрей Гомонов:

– Саша, ты как? Давай помогу! Тебе стоит сделать укол! Смотри! Кровь здорово хлещет, да и заражения чтобы не было.

Только сейчас я вдруг почувствовал, как рука начала неметь. Она стала словно чужая.

– Да, это хреново. От потери крови через пару часов может так поплохеть, что… Не дай бог, конечно… тогда… а мне ребят выводить из боя надо, да убитых разведчиков вывезти всех! Все верно, Андрюха! Давай, перевязывай, и рану получше обработай, укол я себе сам поставлю, – прокричал я.

Бой разгорался с каждой минутой. Мы словно разворошили осиное гнездо. Впрочем, так оно потом и оказалось. Здесь находилась и основная база подготовки, и место отдыха, и штаб боевиков, но главное – мы на территории Пакистана, поэтому и «духов» здесь много, как мух. Да и местные власти подняли тревогу. Душманы, будто тараканы, ползли со всех сторон, перебегали от дерева к дереву, от камня к камню.

Они неуклонно приближались. Мы же держали оборону и старались не допустить противника на расстояние для броска гранаты. Конечно, в таких условиях продержаться можно долго, но в итоге мы бы обязательно погибли. Только вот гибель, пусть даже геройская, в наши планы не входила. На одном участке обороны «духи» умудрились подползти к самому забору и прорвались во двор, за дувал. Трое бойцов: капитан Лебедев, капитан Стэнлер и капитан Фомичев, вступили в рукопашную и, отбив атаку, передали по внутренней связи, что противник подтягивает артиллерию, несколько горных пушек, на прямую наводку, и разворачивает минометы. Это сообщение меня не обрадовало. Тут же пришел другой доклад – на восточной окраине деревни слышится шум моторов, по-видимому, оттуда к центру выдвигается несколько танков или бронетранспортеров. Вдруг в воздухе раздался специфический воющий звук, который нельзя спутать ни с каким другим, ибо так свистит только летящая мина. Взрыв последовал через пару секунд, за ним второй, третий, а это означало, что нас могут разбить в считанные минуты, – огонь открыла минометная батарея. «Значит, на подмогу к бандитам подошли воинские части пакистанской регулярной армии, у местной полиции навряд ли состоят на вооружении минометы и танки с бронетранспортерами. Ну конечно же захватить нас для них сейчас – архиважное дело, хотя бы лишь для того, чтобы раздуть потом политический скандал о вмешательстве, агрессии и прочих нарушениях суверенных

прав», – пришла в голову невеселая мысль.

Действительно, как я и предполагал, на площадь как раз напротив того места, где мы держали оборону, выехал БТР и из крупнокалиберного пулемета начал поливать свинцом глиняный забор, который служил нам надежным укрытием. Куски земли и глины брызгами полетели в разные стороны. Пули нанести особого вреда нам не могли, забор-то был все-таки сложен из камней. Но пулеметчик и не хотел нас расстрелять, у него была другая задача, он не давал нам поднять головы, пока «духи» перебежками приближались к дувалу. У нас с собой было несколько переносных комплексов реактивных огнеметов «Шмель». Мы всегда брали в рейды эти эффективные снаряды, простые в обращении и неприверед-ливые в хранении, так, на всякий случай. Сейчас они пригодились нам как никогда. В какой-то степени нам даже, можно сказать, повезло, в подвале дома мы обнаружили и ручные гранатометы. Бронетранспортер был подожжен с первого выстрела. Владислав, то есть капитан Стэнлер, влепил ему гранату прямо под башню, отчего ее заклинило, а кто-то в этот момент из огнемета попал в окно водителя, которое не было закрыто броневым щитком. БТР заполыхал сильным чадящим пламенем. Вскоре в нем стали взрываться боеприпасы. Проехать к тому месту, где мы держали круговую оборону, стало невозможно. Горящий бронетранспортер перекрыл дорогу, а сзади возвышались горы. Его теперь можно было или оттащить назад, или вытолкать на площадь, но для

этого понадобилось бы пригнать вторую машину.

«Только бы они это сделали, – думал я. – Господи, если ты есть, помоги нам!» И он помог. «Духи», или кто там ими командовал, решили оттащить бронетранспортер на окраину кишлака. Сзади к горящей машине подъехал танк и зацепил ее тросом. Мои бойцы меткими выстрелами прижали душманов к земле, а потом Димычу, капитану Фроликову и лейтенанту Трофимову удалось из огнемета и двух ручных гранатометов поджечь подошедший танк. «Все! Амба! Мы окончательно закупорили и забаррикадировали им улицу. Теперь к нам невозможно подобраться на боевых машинах, и это очень хорошо. Танк они и за два часа не смогут эвакуировать, а там еще и БТР стоит», – обрадовался я, радостно потирая рукой по ноге, потому что моя левая висела плетью.

– Дед! А что там наши авиаторы? Они вылетели? Или какого там хрена? – закричал я громко, совершенно забыв, что переговорное устройство включено.

– Командир! Не кричи! У меня чуть барабанные перепонки не лопнули. Я связался с ними. Вертолеты уже в воздухе. Через минут десять – двадцать будут здесь. Командир полка выделил для поддержки полроты десантников. Кроме наших вертушек прилетят и боевые, – прокричал прапорщик, тоже забыв, что мы переговариваемся по внутреннему радио.

– А ты чего кричишь? Хочешь, чтобы и у меня перепонки лопнули, Дима?

– Прости, командир, по привычке! Я думал, ты меня не слышишь в шуме боя, а потом ты сам кричал, вот я и подумал, что у тебя со слухом что-то, – перешел он на нормальный тон.

– Ребята, – передал я команду, – отходим на площадку для вертолетов, они сейчас прибудут. Убитых забираем.

У нас не было другого выхода. Вертолеты здесь сесть не смогли бы, их наверняка сбили бы «духи». Оставить найденных солдат мы тоже не могли, не для того столько прошли и вынесли такие лишения, чтобы сейчас бросить убитых пацанов. Хотя все мои бойцы были ранены или контужены, никто не возмутился принятым решением. «Нас двенадцать человек, погибших солдат – десять. Двое прикрывают отход группы. Остальные берут десантников. Со мной остается Стэнлер! Мы прикрываем отход! Ты слышал, Владислав? Остальные – взяли ребят – и вперед к площадке, как можно быстрее. Ребята, прошу понять правильно и без обид, но если что со мной случится, то за меня остается прапорщик Сокольников. Он вас выведет! Вопросы есть?» – отдал я приказ по внутреннему переговорному устройству.

– Командир, так нель… – раздался чей-то голос, и этот голос принадлежал моему закадычному другу Димычу.

Я знал, что тот собирается сказать, поэтому прервал его, не дослушав:

– Разговорчики! Приказ не обсуждать. Я сказал, вперед!

«Духи» пришли в себя слишком поздно. После того как

мы подожгли бронетранспортер и танк, они залегли и стали осторожно к нам подкрадываться. Мы же под прикрытием огня и дыма смогли оторваться от них метров на двести. Мне и капитану Стэнлеру удалось попридержать душманов на этом расстоянии двадцать минут, потом мы бросились догонять своих. Половину пути бойцы отряда с грузом «двести» прошли нормально. Но, поднявшись немного вверх, они стали хорошей мишенью для «духов», которые тут же открыли по ним снизу, из деревни, ураганный огонь из всех видов имеющегося оружия, включая и минометы. Трудно сказать, смогли бы мы уйти живыми в такой ситуации, даже без погибших десантников, которых тащили на себе, – скорее всего, нет. Но если бог помогает, то до самого конца! Из-за гор вдруг выскочили вертолеты. В горячке боя мы про них забыли, хотя, конечно, подсознательно ждали их как манну небесную. Они появились столь внезапно, что даже напугали нас. В первое мгновение мы подумали, что противник еще и авиацию подтянул для уничтожения группы. Помимо двух закрепленных за отрядом вертолетов с ними пришли еще три пары вертушек: одна пара боевых машин, похожих на «крокодилов»[8], но только летающих, и две пары вечных армейских «трудяг» – Ми-8. Вертолеты огневой поддержки сразу же начали утюжить деревню, а «трудяги» высадили десант.

---

[8] «Крокодил» – в Афганистане в армейском обиходе название вертолета Ми-24 и его модификаций за их специфический внешний вид и раскраску.

Позже мы поняли, как нам повезло. Погибшие наши ребята дважды выполнили свой долг: один раз в ущелье, где держали последний бой, а второй раз – спасая нас, ибо многие из них своими телами прикрыли наши спины от вражеских пуль, приняв их в себя.

Мы уже летели на базу, когда один солдат застонал и чуть приоткрыл глаза. Он был жив. Во время расстрела у кого-то из «духов» дрогнула рука и пуля прошла по касательной, повредив кожу головы и задев кости черепа. Чудеса на свете, а на войне тем паче, встречаются очень часто, просто в них не верят, когда про эти самые чудеса начинают рассказывать в мирное время, считая их выдумками рассказчика. Оживший вдруг парнишка, наверное, вытянул когда-то счастливый билетик у судьбы или родился в рубашке, а скорее всего, и то, и другое вместе. Звали его, кстати, Алешка, а фамилия счастливчика – Чернышев, командир разведывательной роты. Прозвище у него поначалу в дивизии действительно было Черныш, это потом его стали звать «Седой», потому как волосы его, темные когда-то, почти черные, после того расстрела побелели, стали совершенно седыми, словно у болотной птицы лунь.

Глава 5. Москва. Конспиративная квартира ГРУ

От неожиданно навалившихся воспоминаний меня оторвал голос генерала:

– Втроем, значит?! Ну-ну! В ковбоев захотелось поиграть? Голливуд решили устроить!

Я понял, что генерала мой выбор не убедил. Мне следовало обосновать свое решение идти группой в три человека, но я не успел. Иван Федорович так грозно взглянул, что я замер, даже не начав фразы. Климов поначалу тоже хотел что-то высказать, но, когда взглянул на генерала, понял, что лучше помолчать. В комнате воцарилась тишина. Затянувшуюся паузу прервал наш гость из Комитета.

– Ну, давайте на карте посмотрим, а потом поподробнее на схемах, – предложил полковник Климов. – Наши ребята из разведки хорошо поработали. Я вас готов обрадовать кое-чем. Они в Европе нашли фирмы, которые лет двадцать пять или тридцать назад готовили проектную документацию под строительство турбазы. Специалисты наши разобрались со всем этим, сделали вырезки из нужных мест и подготовили очень подробный план-схему. Вот, посмотрите сами.

Климов разложил на столе схемы. Я с интересом начал их рассматривать, генерал довольно хмыкнул и тоже склонился над чертежами.

Почти до самого утра мы тщательно изучали документы, особенно ту их часть, где говорилось о подземных коммуникациях. В скалах на берегу озера обнаружилось множество карстовых пещер, некоторые входы в них начинались в воде, порой на большой глубине.

– Через эти пещеры в принципе можно было бы попробовать проникнуть на территорию охраняемой части турбазы, – пришла мне в голову интересная мысль. – Смотрите, здесь сливной или дренажный канал выходит в пещеру, а теперь обратите внимание, где он проходит? Видите? Через территорию охраняемых коттеджей. Мы воспользуемся этими коммуникациями и проникнем в пещеру. Думаю, их размеры позволят пройти человеку, ведь наверняка предусматривалось техническое обслуживание канализационных систем, а значит, выходы на поверхность имеются. А дальше будем смотреть на месте.

– Это хорошо, – сказал после недолгих раздумий начальник Управления, – это здорово ты придумал, воспользоваться дренажной трубой. Судя по схеме, размер у нее подходящий. Вот только каким образом вы к этой самой трубе подберетесь, чтобы через нее проникнуть на турбазу? То есть как к объекту со всем снаряжением подступать будете? Вот ведь самое главное!

Генерал поставил проблему, о которой мы как-то забыли. Действительно, а как подступить к самому объекту? Проще говоря, нужно было продумать легенду нашего появле-

ния около турбазы. Вариантов проникновения на территорию страны было очень много, но все они в силу тех или иных причин не подходили. Генерал Корабелов забраковывал и мои предложения, и предложения Климова. Он спокойно и твердо отвергал их, и спорить с ним было бесполезно.

– Не подходят ваши предложения, не подходят, сказано вам, – говорил Иван Федорович, раскритиковывая очередной план в пух и прах, – ваше появление в качестве туристов на базе тут же вызовет подозрение и повышенное внимание у охраны. Они сейчас как сторожевые псы, постоянно начеку.

– Так что же делать, Иван Федорович, по воздуху нам, что ли, лететь? – в отчаянии воскликнул я и, как оказалось после, сделал это не зря.

– Прямо хоть по воздуху лети, говоришь, – повторил мою фразу, словно эхо, генерал, – по воздуху, по воздуху… прямо хоть лети… лети как птица…

Генерал подумал и вдруг оживленно, весело и довольно рассмеявшись, сказал:

– А что, если и впрямь по воздуху? А?

– Ну, ежели, вы, товарищ генерал, своей генеральской ногой каждому из нас по генеральскому пинку дадите, чтобы мы без остановки долетели до места, тогда можно, – не удержался я, чтобы опять не сострить, – а если еще совместный пинок с председателем? Но, если серьезно, то на парапланах или дельтапланах не долетишь! Далековато, да со снаряже-

нием! Остается только самолет или морское судно.

– Ладно, ты не особо бузи, полковник! – немного разозлился на мою шутку генерал. – А то, пожалуй, не пинка, а подзатыльника хорошего от меня получишь! И подумай, садовая твоя голова, кто тебе позволит полтора центнера оружия на самолете провезти? Ну, хорошо, здесь мы вас посадим. А туда прилетите, кто вас через таможню протащит, через пограничников?

«Да, старик прав! Столько оружия с боеприпасами и снаряжение конечно же не провезешь в чужую страну. Нельзя думать, что там сидят полные профаны!» – согласился я про себя с доводами генерала.

Начальник Управления походил из угла в угол и сел в глубокое мягкое кресло. Он недолго помолчал, сосредоточенно думая о чем-то своем, и вдруг заулыбался.

– Вы, молодежь, что-нибудь про Скорцени слышали? – спросил генерал, довольно потирая руки.

– Ну а как же, товарищ генерал? Обижаете! Кто же не читал или не слышал истории о лучшем диверсанте Третьего рейха? Однако наши бойцы во время войны работали не хуже. Одного гитлеровского генерала прямо в кровати взорвали. Вот это был высочайший класс работы профессионалов, – ответил я и за себя, и за полковника Климова.

– Ладно, не ершись, патриот! Я, кстати, и не думал Скорцени в пример вам ставить, хотя у врага всегда есть чему поучиться. Мне просто вспомнилась его операция по освобож-

дению Муссолини. Помните? Германское командование тогда большой отряд диверсантов вермахта высадило на планерах. Чернышев, твой заместитель, в юности в аэроклубе занимался, да и сейчас, я слышал, на спортивных самолетах летает. Так вот, подготавливаем летательный безмоторный аппарат, загружаем снаряжение и прочее, посадка на воду с последующим самозатоплением планера подальше от берега. Пока его обнаружат, если вообще обнаружат, вы успеете операцию провести и уйти. В гидрокостюмы облачаетесь на аэродроме, акваланги надеваете в момент приводнения, ну а дальше под водой до дренажного канала, короче говоря, детали обмозгуем во время тренировок. К ним надо приступать прямо с завтрашнего дня. Да, и надо обязательно подумать об отходе после завершения операции.

– А что, товарищ генерал, – сказал я. – Это идея! Думаю, долетим без проблем. А насчет отхода, когда завершим саму операцию, тогда и подумаем. На месте посмотрим. Зачем сейчас время зря терять?

– Э, нет! Глупости говоришь, полковник! – строго заметил начальник Управления. – Это основной вопрос и суть всей операции. И дело надо сделать, и назад вернуться, причем обязательно живыми. Если мы не будем думать о плохом, оно от этого не убежит прочь, это самое плохое? Правильно говорю? Нет, ребята мои дорогие! Об отходе следует думать серьезно, обговорить надо во всех подробностях, предусмотреть все нештатные ситуации, ну хотя бы макси-

мально предусмотреть.

Генерал сел в кресло и сказал:

– Иди за чаем.

– Обязательно обсудим, товарищ генерал, но вот только надо ребят пригласить, Чернышева и Сокольникова. Как говорится, одна голова хорошо, а они могут отличные мысли высказать по этому поводу и вообще по всей операции. Вы не против?

Генерал, не раздумывая долго, кивнул.

Уходя, он сказал:

– Климов завтра в отряд к тебе приедет. Познакомь его с ребятами. У него, кстати, еще кое-какие данные интересные имеются.

Глава 6. Турция. Анкара. Резидентура ЦРУ США

Фрэнк Дилан чувствовал себя героем, хотя чуть было не проворонил русских, дав им возможность прорваться почти на самый объект. «Марк молодец! Не подвел! Обязательно заберу его с собой, когда меня переведут в штаб-квартиру в Лэнгли, – думал резидент, довольно потирая руки, – правда, потери колоссальные, но ничего! Победителей не судят!» Ему на них, эти самые потери, даже не попеняли, а наоборот, похвалили, что быстро и хорошо справился. Да он особо и не акцентировал на этом внимание и в докладе упомянул лишь вскользь.

Фрэнк Дилан взглянул на часы. Стрелки дорогого хронометра «Омега» показывали половину одиннадцатого вечера. Ровно в полночь на рейсовом самолете должен был прибыть из Вашингтона специальный представитель директора ЦРУ Джон Тейбол.

Дилан знал его давно, еще по совместной учебе в колледже, а затем и в Принстонском университете, короче говоря, они были однокашниками, и нужно сказать, заняв высокий пост в штаб-квартире ЦРУ, Джон Тейбол никогда не забывал сокурсника. Именно благодаря этому знакомству Фрэнку Дилану удалось избежать неприятностей в связи с большими потерями при захвате русских диверсантов. Даже бо-

лее того, он смог выставить себя эдаким супергероем, которому удалось сохранить в неприкосновенности важную государственную тайну и не дать врагу ослабить мощь Америки и посягнуть на ее свободы и демократию.

Приезд давнего знакомого не особенно беспокоил Фрэнка, хотя конечно же немного обижало то, что вроде как ему не доверяли заключительный этап спланированной акции. Ему сообщили, что работы в секретной лаборатории сворачиваются. Естественно, оборудование будет демонтировано и всё, включая и самого разработчика секретного препарата, будет доставлено на территорию США. Видимо, в Вашингтоне посчитали, что там продолжать работы лучше, и были правы. «Под крышей администрации президента конечно же быстрее можно закончить, да и безопаснее. А потом, руководству там, наверху, виднее. Лабораторию заберут, и меня вместе с ней. Эта страна не достойна того, чтобы я был в ней резидентом. Не тот масштаб, особенно после Москвы», – размышлял Дилан, и эти мысли поднимали и без того хорошее настроение.

С приездом однокашника Фрэнк связывал большие надежды. Тейбол обещал после завершения дела забрать Дилана в Лэнгли и сделать своим первым помощником, но для этого нужно было, чтобы все прошло прекрасно и без лишних проволочек.

– Кристина, – нажав кнопку вызова секретаря на селекторе внутренней связи, бодрым нетерпеливым голосом почти

прокричал Дилан, – машину к подъезду, и сама никуда не отлучайся, через час я приеду с важным гостем, и ты должна быть очень рада этой встрече.

– Сэр, машина уже давно ждет внизу!

– Так чего же не докладываешь, Кристи? Или ты уже мыслями с нашим гостем? – отпустил пошловатую шутку резидент.

Фрэнк Дилан прекрасно знал, что его секретарша нравится Джону Тейболу, знала об этом и сама Кристина. «Если бы между ними, боссом и моей секретаршей, не существовало бы взаимной симпатии, то я давно освободился бы от этой ленивой, но чертовски красивой девицы», – с вожделением думал Дилан, сидя в салоне автомобиля, мчавшегося в аэропорт, и вспоминая нежные руки секретарши.

Заместителя директора Фрэнк Дилан встречал в зале для важных гостей. Тейбол, как всегда, вошел, улыбаясь во весь рот, и приветливо помахал Дилану. Он нежно обнял давнего товарища и сокурсника, не забыв спросить:

– Как дела, Фрэнк? Я смотрю, ты похудел с нашей последней встречи. Это русские диверсанты виноваты, они тебя доведут до физического и нервного истощения. Ну, ничего, скоро я тебя заберу, Фрэнк! Ты рад? Мне нужны верные и надежные люди. Ты ведь мой человек, Фрэнк?

– Сэр! Можете в моей верности не сомневаться. Я ваш, сэр, от мозга и до костей, и сохраню свою верность, сэр…

– Джон! Зови меня просто Джон! Мы ведь с тобой давние

приятели, Фрэнк! В чем дело? Ты забыл наши совместные проделки во время учебы? Я всегда мог на тебя положиться, дружище! – бесцеремонно перебил однокашника Тейбол.

«Твои проделки никто не забудет, ибо мне приходилось отдуваться за них по полной программе», – со злостью подумал Дилан, но вслух об этом, конечно, говорить не стал.

– Да, сэр! Конечно, Джон, мы давние приятели, и я ничего не забыл, особенно дни учебы! Прекрасное было время, – погасив внезапно возникшую злобу, ответил Дилан.

Ему нравилось доверительное отношение бывшего сокурсника, а ныне очень большого босса.

– Докладывай давай, Фрэнк, не тяни! Как у тебя дела? Учти, лично директор ЦРУ все держит под особым контролем. Мы связываем с этим препаратом, так называемым «геном деструктивного поведения», очень большие надежды. И вообще у этого вещества прекрасные перспективы, особенно в рамках новой политики глобализма, которая проводится руководством страны.

– Сэр? Простите, Джон, неужели действительно у этого препарата такие хорошие результаты? Я даже не мог этого предусмотреть, когда вербовал того русского ученого в Москве. Мне показались перспективными его исследования, но не более… Я не ожидал такого успеха, сэр!

– Они не просто хорошие, они прекрасные. Советское руководство идет у нас на поводу! На переговорах русские соглашаются со всеми нашими, казалось бы, абсолютно непри-

годными и невыгодными для них предложениями. Одиннадцать встреч советского Генсека за пять лет с нашими президентами, Рейганом и Бушем, причем выполнение любых наших условий и требований. А, Фрэнк?! Чего только стоит, например, роспуск Варшавского договора… А объединение Германии? А подготовка вывода войск из Европы? Дальше будет больше! В недалеком будущем, ну, скажем, через десяток лет, мы пересмотрим полностью все итоги Второй мировой войны. Русским и так досталось слишком много. Они откусили большой кусок пирога, не для них испеченного. Москва чересчур кичится победой в войне. Но та победа была очень давно, а мы победили их сейчас, и нам, как победителям в «холодной войне», следует диктовать свои условия, не обращая внимания, нравятся они Кремлю или нет! Русские не могут противостоять нашим вооруженным силам, авиации и флоту. С помощью нашего препарата, Фрэнк, мы сделаем с Советами то, чего не смог Гитлер! Я всегда, Дилан, буду помнить слова этого великого вождя немецкого народа. Да, да! Ты не ослышался. Именно великого вождя немецкого народа. А он сказал о русских и прочих славянах: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот – дробить их на мелкие ветви и группы». Значимые слова! Грандиозные мысли! Мы возродим немецкий дух, объединим Европу и руками самих европейцев заставим русских работать на нас. Дешевая рабочая сила нам нужна! А из их

страны мы сделаем свалку – полигон для промышленных отходов и огромную резервацию для вредного производства. В этом деле нам поможет наш препарат. Наш «ген деструктивного поведения». Мы им, как дустом, обработаем всю территорию русских и проживающих вместе с ними народов и сделаем так, чтобы потом они сами себя уничтожили в междоусобной борьбе.

– Вы, Джон, думаете, это все можно сотворить с помощью нашего препарата?

– Ну, не только, конечно. Ты, Фрэнк, знаешь, разведка начала работать с некоторыми молодыми представителями советского руководства еще задолго до того, как те стали входить в политическую элиту страны. Мы работали долго и кропотливо, мой друг. Да ты и сам, Фрэнк, не первый день в разведке, понимаешь, что это комплексная задача. А препарат помог и поможет еще весьма и весьма значительно. А ведь это ты, Дилан, приметил тогда господина Тупина, помнишь? Ты ведь его нашел в Москве. Я вспоминаю, как нам на совещаниях частенько ставили тебя в пример, как говорили – вот, мол, самый добросовестный и талантливый оперативник во всей московской резидентуре. Молодец, старина, ты и сейчас работаешь отлично.

«Конечно, это моя заслуга, – подумал Фрэнк Дилан, – только что толку от того? Да, я нашел ученого, я вывез из страны документы, я помог перебраться и остаться Тупину в США, но сейчас я всего лишь резидент в паршивой азиат-

ской стране, а ты, Джон Тейбол, без всяких результатов в работе – заместитель директора. Но у тебя, мой дорогой однокашник, есть деньги, очень богатые родители и влиятельные родственники жены, которых, к сожалению, нет у меня».

Правда, вслух эти мысли Дилан высказывать не стал, а просто пробормотал какую-то дежурную фразу, что-то насчет общих заслуг и успехов.

Разговор происходил в машине, которая быстро мчалась по ночным улицам столичного города в сторону посольства США. Они замолчали. Заместитель директора задремал на сиденье, видимо, здорово устав от дальнего перелета. Почти у самого посольства Тейбол вдруг открыл глаза и неожиданно спросил:

– Фрэнк? У тебя все нормально на объекте? Я имею в виду, с точки зрения безопасности. Если что-то случится, тебе ведь головы не сносить…

– Да, сэр! Не извольте беспокоиться, – ответил Дилан, перейдя сразу на официальный тон, потому что воспринял вопрос о безопасности объекта не как праздный, заданный не давним приятелем, а заместителем директора ЦРУ.

– Хорошо, Фрэнк! Хорошо! Ты не обижайся, но этот аспект очень важен. От наших источников в Москве, которые заслуживают абсолютного доверия, стало известно, что русские не успокоились. Они предпримут еще одну попытку проникнуть на объект, причем в самое ближайшее время. А ты думаешь, я тебя приехал проверять или контролиро-

вать? Нет, дружище. Директор очень обеспокоен. Мы, правда, не знаем, откуда ждать удара, и это пугает, поэтому, кстати, и принято решение перебазировать лабораторию в Штаты. Некоторые союзники по НАТО, и не только они, проявляют нездоровый интерес к нашим секретным разработкам в области психотропного оружия. Ведь мы с ними обязаны делиться. Вроде как против общего противника боремся. Моя бы воля, я никому бы не стал сообщать о нашем препарате. Это ведь лишние уши, а стало быть, дополнительная опасность утечки секретной информации. Нам у себя внутри еще стоит разобраться, как до русских дошли сведения о препарате.

– Джон! А источники в Москве очень надежные? Может, это дезинформация? Вы им доверяете? Русские ведь тоже большие хитрецы.

– Не думаю! Что же касается наших источников, то надежнее быть не может – помощник президента, один из заместителей главы его администрации, важный чиновник из правительства и ближайший соратник. Вполне можно доверять. Ты ведь знаешь, у них сейчас модно все делать как у нас: ввели пост президента, создали администрацию, вот КГБ скоро начнут реформировать. Мы им уже подбросили хорошую идею – раздробить этого опасного для нас монстра на отдельные службы. Наши экономические советники готовятся помогать в реформировании, как это у них зовется по-русски, – народное хозяйство, кажется? Вот именно, эко-

номики по-нашему. Ну, ладно, хватит лирических отступлений. Короче говоря, ближе к концу августа сюда подскочат ребята из «Дельта Форс», они большие специалисты по антидиверсионной работе. Прибудет группа полковника Чада Дентена. Он – самый толковый из всех офицеров, с которыми мне приходилось сталкиваться по службе, русских знает, как самого себя. Его ребята сменят твоих дилетантов из посольства. Наверное, там, на турбазе, твои морские пехотинцы[9] ожирели от безделья, как и ты здесь, а?

Заместитель директора ЦРУ захохотал.

– Я бы так не сказал, – смущенно ответил Дилан, – но если заместитель директора считает, что охрану следует заменить, то возражений нет!

– Ну и прекрасно! А как там поживает моя Кристи? Ты не обижаешь мою, прости, Фрэнк, то есть твою секретаршу? – довольный остротой, Джон Тейбол сладострастно улыбнулся в предвкушении встречи с секретаршей Дилана.

– Нет, сэр! Кристина прекрасно справляется со своей работой. Она прекрасный сотрудник, сэр! – сказал Дилан.

И ревниво подумал: «Только с одной стороны!»

Машина, тихо шурша гравием, подкатила к подъезду резидентуры и остановилась напротив дверей.

– До завтра, старина! Продолжим разговор за завтраком, – торопливо проговорил заместитель директора ЦРУ.

---

[9] Охрану посольств США на территориях иностранных государств традиционно несут морские пехотинцы.

Открылись тяжелые дубовые двери виллы, и из них показалась Кристина. В необычайно короткой юбке и туфлях на огромной шпильке она была не просто обворожительна, она была желанна.

«Молодец, ничего не скажешь, – помимо воли отметил Дилан, любуясь секретаршей. – Ее, по-видимому, тоже придется взять с собой, да я и не оставлю Кристи здесь».

Плавно поигрывая бедрами, Кристина медленно спускалась по ступенькам лестницы к остановившейся машине, в которой прибыл Джон Тейбол с ее шефом. Заместитель директора ЦРУ, даже забыв попрощаться с подчиненным и дать ему указания, выскочил из автомобиля и, улыбаясь во весь рот, поспешил навстречу молодой красивой девушке.

* * *

Утром за завтраком Джон Тейбол был в приподнятом настроении, хотя у него и раскалывалась голова от бурно проведенной ночи и выпитого виски с шампанским. Фрэнк обрадовался, ибо, как ни крути, но от личного расположения к нему заместителя директора ЦРУ зависело очень многое, а секретарша была не последним звеном в цепочке его продвижения наверх, в штаб-квартиру самого главного учреждения в системе американского разведывательного сообщества.

– Фрэнк! Надо организовать встречу ребят полковника Дентена. Они прибудут завтра утром. Кстати, сегодня какое

число?

– Семнадцатое августа, Джон! – сказал участливо Фрэнк.

Ему было приятно наблюдать, как шеф мучается головной болью после сегодняшней ночи. Значит, Кристи хорошо поработала!

– У тебя здесь, я надеюсь, хорошие связи с турецкими спецслужбами, – продолжил, наливая себе виски, заместитель директора, – постарайся, чтобы не возникло ненужных эксцессов. Группа полковника будет со снаряжением, поэтому следует позаботиться о таможне, паспортном контроле и транспорте. Своих морских пехотинцев держи наготове и установи связь с нашими военными. Фрэнк, у тебя толковый помощник, я слышал?

– Все будет в порядке, сэр! С военными у меня хорошие контакты. Мой помощник Марк Браун действительно толковый малый, он уже выехал. У него прекрасные отношения с заместителем министра внутренних дел и с начальником таможни аэропорта. Марк сделает все, как надо!

– О'кей! Вслед за полковником из Сирии прибудет мой помощник Джейсон Беннет. Он там по делам фирмы. Познакомь его с Марком и введи в курс всего дела, я ведь долго здесь не задержусь. Проверю готовность группы Дентена после ее прибытия, съезжу на объект, посмотрим, как лучше организовать демонтаж оборудования и отправку всего этого барахла в Штаты. Директор распорядился возложить всю ответственность по вывозу лаборатории на тебя. С мо-

ей подачи, Фрэнк. Мы не забываем старых друзей! Мне надо возвратиться через два, ну, максимум, три дня в Вашингтон. Я думаю, русские в самое ближайшее время обязательно предпримут еще одну попытку проникновения на объект. Уверен, что это произойдет на следующей неделе, хотя, может быть, и раньше. Возьми под особый контроль период с девятнадцатого по двадцать второе августа. Им нужен образец препарата, как манна небесная. Почему? Скажу по секрету, дружище, назревают очень серьезные и важные события в Москве. Не сегодня, так завтра там все может очень быстро измениться. Ты, дружище, даже не представляешь, что может произойти у русских. Операция «Льотэй» вступает в завершающую фазу. И в этом есть и наша с тобой заслуга, – развязно говорил захмелевший Тейбол. – Нам все-таки удалось перехватить инициативу у британских коллег из разведки[10].

* * *

В январе 1948 года конгресс США принял закон № 402, по которому всем американским средствам массовой информации, работавшим на заграницу, предписывалось «оказывать планомерное и систематическое воздействие на обще-

[10] В Англии разведкой занимается специальная служба, которая называется Сикрет Интеллидженс Сервис или МИ-6, эта служба считается ведущей среди разведслужб стран НАТО.

ственное мнение других народов».

А чуть раньше, 14 декабря 1945 года, Объединенным комитетом военного планирования США была принята директива № 432/Д, в которой намечалась атомная бомбардировка 20 советских городов (Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Челябинск, Магнитогорск, Пермь, Грозный, Ярославль, Ташкент, Нижний Тагил, Иркутск, Тбилиси, Новокузнецк) и Транссиба (транссибирская железная дорога).

Помимо этого 15 апреля 1950 года президентом США Гарри Трумэном была одобрена, а затем и подписана секретная директива Совета национальной безопасности № 63, в которой Советский Союз объявлялся «врагом номер один», и в этой связи определялась главная задача всех спецслужб США: «… обеспечить коренное изменение природы советской системы, посеять внутри этой системы семена разрушения, поощрять и поддерживать беспорядки, мятежи в избранных, стратегически важно расположенных странах-соседях СССР».

Разрабатывая эти документы, американские спецслужбы в первую очередь опирались на опыт коллег из английской разведки. Следует подчеркнуть, что в конце октября – начале ноября 1939 года в недрах британских спецслужб был подготовлен документ «Меморандум № 5736/G», направленный на дестабилизацию обстановки в ряде советских республик Средней Азии и Закавказья. В «Меморандуме», в частности,

предусматривалось проведение комплекса различных мероприятий «с использованием религиозных, антирусских и националистических чувств и ожесточенной ненависти, которую должен вызвать нынешний режим во многих слоях населения…»

Этот документ и стал прообразом плана «Льотэй»[11], который претворялся в жизнь с конца 1940-х годов и до начала – середины 1990-х. План задумывался как тотальный и непрерывно действующий механизм, направленный на расшатывание основ государственного строя СССР. Суть же всей операции заключалась в проведении последовательного комплекса акций, малозначительных и несущественных на первый взгляд, но в сумме должных дать результат к концу 1990-х годов или началу нового тысячелетия.

Аналитики британской разведки поняли, что если социалистические страны лишить цельной единой идеологии, перессорить всех между собой, то весь социалистический лагерь непременно рассыплется в прах.

---

[11] Луи Юбер (Льотей)Лиотей (1854–1934) – французский военачальник, маршал (1921), командующий войсками в Северной Африке во время колониальных войн. Однажды, направляясь в штаб со своей свитой, он выразил неудовольствие по поводу отсутствия тени вдоль дороги, по которой ехал, и распорядился по обе ее стороны посадить деревья. На замечание одного из подчиненных, что деревья вырастут через 20–30 лет, маршал ответил: «Именно поэтому работу начните сегодня же». Английские спецслужбы присвоили своему плану имя французского маршала, видимо, потому, что решили начать операцию против СССР на долговременную перспективу.

* * *

– Сэр, вы считаете, что план «Льотэй» вступает в решающую фазу? А не станет ли это и нашим крахом? Ведь в лице СССР мы потеряем врага, а стало быть, и сами перестанем быть нужными своей стране.

– Не волнуйся, Фрэнк! Хотя твои опасения не беспочвенны, такие настроения вполне могут появиться у наших сотрудников после краха Советского Союза. Когда коммунисты рухнут окончательно, к власти придут наши союзники и единомышленники, которые пойдут в фарватере нашей новой политики. Только волноваться особо не стоит, мы, то есть спецслужбы, всегда найдем способ напомнить о себе и продемонстрировать свою необходимость, я бы даже сказал, острую необходимость, и занять достойное место в обществе. Вот для этого нам и пригодится «ген деструктивного поведения». Только тебе скажу по величайшему секрету, как своему доверенному лицу, о разработке этого препарата не знает даже президент Соединенных Штатов. Понимаешь теперь, в какой круг посвященных ты входишь? Постарайся, Фрэнк, не уронить столь высокой чести!

От таких откровений челюсть у Дилана чуть было не отвалилась до самого живота, а во рту пересохло, будто это не Тейбол, а он, Дилан, пил всю ночь виски и развлекался с молодой девицей. Фрэнк с трудом проглотил слюну и выдох-

нул, еле ворочая сухим языком:

– Джон! Простите, сэр! Я вас ни за что и никогда не подведу. Все сделаю! Лично буду контролировать. Позвольте мне самому встретить группу полковника Дентена и сопровождать на объект?

– Успокойся, Фрэнк, – хмыкнул заместитель директора.

Он был доволен реакцией подчиненного на свое эффектное выступление.

– Успокойся, дружище! У тебя есть помощник, подключишь моего, твое дело – руководить. Тебе будут подчинены значительные силы. Работай, привыкай мыслить другими масштабами, старина! После обеда свозишь меня на объект. Да, а как там наш подопечный? Не скучает?

– Не беспокойтесь, сэр! С ним все в порядке. Камилла ему не даст скучать.

– Камилла? Прекрасный сотрудник, причем во всех отношениях. Талантлива, умна, красива. Никто лучше нее не смог бы информировать нас о мистере Тупине, его настроениях, мыслях, намерениях. После окончания дела надо будет обязательно ее поощрить.

В кабинет вошла Кристина и, стрельнув игриво глазами в сторону Джона Тейбола, доложила шефу:

– Сэр, машина у подъезда, вертолет на площадке готов, экипаж ждет приказаний.

– Спасибо, Кристина, можете идти.

Фрэнк Дилан встал из кресла, открыл дверь и, пропустив

заместителя директора и секретаря, вышел вслед за ними из кабинета.

Нужно сразу сказать, что заместитель директора ЦРУ так и не полетел на объект. Те несколько дней, которые он должен был провести в поте лица в трудах и заботах, Джон Тейбол посвятил совершенно другим делам. Переложив все обязанности на бывшего сокурсника, он на пару дней, прихватив красавицу Кристину, улетел на Канарские острова, где отлично провел время.

Джон Тейбол, правда, позвонил Дилану с Канар и напомнил, что сегодня должна прибыть группа полковника Чада Дентена из секретного спецподразделения армии США «Дельта Форс». Когда Фрэнк провожал босса на Канарские острова, тот, пребывая в прекрасном расположении духа, на прощание сказал ему:

– Фрэнк, в твоих руках будущее. Помни об этом и не подведи меня. Я за тебя поручился перед директором, и надеюсь как на себя самого.

Тейбол уже поднимался по трапу, но неожиданно развернулся и, указав на Кристину, сказал:

– Когда поедешь в Вашингтон, ее тоже не забудь взять с собой! Ты ей кое-чем обязан!

В резидентуру Фрэнк Дилан вернулся словно на крыльях. Он был назначен главным и наделен огромными полномочиями. «Уж я постараюсь, чтобы какие-то там русские не то чтобы не проникли на мой, именно, мой объект, а даже близ-

ко к нему не смогли бы подобраться!» – воинственно размышлял Дилан, видя себя в кресле помощника заместителя директора или даже руководителя департамента.

Глава 7. На базе отряда специального назначения ГРУ

Тренировочная база нашего отряда располагалась в шестидесяти километрах от Москвы. Внешне она ничем не отличалась от обычной воинской части, которых вокруг столицы было довольно много, поэтому никто из местных жителей даже подумать не мог, что здесь располагается суперсекретный отряд армейской стратегической разведки.

Полковник Климов прибыл в штаб рано утром. Поздоровавшись, он положил на стол тоненькое досье.

– Наши разведчики добыли фотографию разработчика препарата, прогнали ее через компьютер, и чтобы вы думали? Нашли по своим каналам одно занятное личное дело. Оказалось, что разработчик психотропного препарата – наш гражданин, то есть бывший подданный СССР. Учился у нас в химико-технологическом институте, был отличником, общественником и прочее. Сбежал во время научного симпозиума несколько лет назад. Дело было громкое. Там потом за рубежом скандал раздули большой. Наверное, читал в газетах? На! Ознакомься на всякий случай.

На папке было написано «Дело оперативной разработки», «совершенно секретно».

Я быстро пролистал документы, задерживаясь только на фотографиях. Климов молча наблюдал за мной.

– Оставишь дело?

– Конечно! – ответил полковник.

Он хотел еще что-то добавить, но не успел, – в дверь кабинета постучали.

– Разрешите войти, товарищ полковник! Здравия желаем!

– Заходите!

Я поднялся из-за стола навстречу вошедшим офицерам и поздоровался с ними. Это были именно те, с кем мне предстояло пойти на выполнение трудного и весьма опасного задания – майор Алексей Чернышев и прапорщик Дмитрий Сокольников.

Закрыв за ними, я позвонил дежурному и предупредил, чтобы меня не беспокоили.

– Что это вдруг такая конспирация, командир? – спросил Чернышев.

– Сейчас узнаете! Разрешите вначале познакомить вас с полковником Климовым из КГБ СССР. А это…

Я поочередно представил помощнику председателя КГБ своих офицеров. Еще в Москве мы договорились, что в курс дела их введет Климов.

За сорок минут он изложил им суть операции, ее детали и особенности, над которыми мы корпели почти сутки.

– На подготовку операции дано чуть более трех недель, на проведение – одна ночь. Идти придется на свой страх и риск, в случае опасности никто нам не поможет, никто не должен узнать, гражданами какой страны мы являемся, – закончил

полковник свой доклад.

Наступила гробовая тишина, которая могла бы длиться сколь угодно долго, если бы я не спросил своих офицеров:

– Ну что, ребята? Дело серьезное, если кто-то из вас чувствует, что не потянет или даст слабину потом, лучше отказаться сразу и сейчас. Я все пойму и не обижусь. Сами понимаете, что обид в таком деле быть не может. А рисковать нельзя ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах!

– Командир! – раздался голос прапорщика. – Зачем лишние слова, лучше поберечь силы для решения более важных проблем. Гадюшник тот мы уничтожим, сомнений никаких. Надо только подумать об отходе. Товарищ генерал прав, возвращение – основная часть операции. Придумано все, конечно, здорово и толково, но идем-то ведь не умирать? Я правильно понял? Как уходить будем? Я еще в отпуске не был, а у меня по графику в этом году он в сентябре. Поэтому, командир, мне надо успеть к охотничьему сезону, да и осень обещает быть грибной. Сами понимаете, грибы, ягоды, они ждать не будут. Пара недель, и все!

Климов, по-моему, удивился такой реакции на поставленную задачу. Он ожидал услышать что угодно, но не такие слова. Полковник вскинул брови и оглядел бойцов. Те вели себя совершенно спокойно, будто речь шла не о сложнейшей боевой операции по ликвидации секретной лаборатории, когда нужно переходить охраняемую границу и проникать в глубь чужой территории, рискуя жизнью, а о прогул-

ке по городскому парку. Но такое поведение не было свидетельством излишней самоуверенности или, того хуже, бравадой, как могло бы показаться на первый взгляд. Это в глазах других людей, не посвященных в тайны и законы профессии офицера боевого спецподразделения армейской стратегической разведки, наша работа выглядела героической, необычайно сложной и даже романтической. Но для нас планируемая операция считалась самым обычным, будничным занятием. А другой службы мы и не знали.

Варианты отхода обсуждали долго, но все они, к сожалению, абсолютно никуда не годились. Ни один не подходил нам в силу тех или иных обстоятельств.

– А что, если после завершения операции вы заходите в коттедж, там переодеваетесь в цивильную одежду, – предложил вдруг Климов. – Я сниму заранее двухкомнатный номер, привезу все необходимое и снабжу вас надежными документами. Потом вы садитесь в машину, которую я возьму напрокат, и спокойно убываете на ней, скажем, в Сирию, можно в Ирак или в Иран. Кстати, в Багдаде и в Дамаске у нас имеются хорошие позиции. Отдохнете там, а когда обстановка нормализуется и все успокоится, отправитесь домой. Как мое предложение?

– В целом предложение неплохое, – заметил прапорщик, – только не подходит оно нам, товарищ полковник.

– Это почему же?

Климов был немного раздосадован тем, что его предло-

жение, о котором он думал полдня, вот так быстро отверг простой прапорщик из спецназа. Он даже хотел поспорить на этот счет, но Деда смутить было сложно. Дедом в отряде мы называли Дмитрия Серафимовича Сокольникова, хотя, конечно, стариком он не выглядел, ибо в тридцать три года нормальному мужчине такое просто непозволительно, но это прозвище прочно пристало к нему и, кстати, служило позывным во время проведения операций. А прозвище свое прапорщик получил из-за лысины, которая начала появляться еще в военном училище. Димыч по характеру был человеком прямым, юлить и хитрить не умел, специалистом считался классным, а поэтому мог позволить себе говорить без обиняков, открыто и честно.

– Не подходит ваш план, товарищ полковник, по одной весьма простой причине, – убежденно говорил прапорщик, – не подходит потому, что снаряжение, которое берем с собой, мы после завершения операции не имеем права бросать. И это во-первых. Сами ведь говорили, нельзя следов оставлять. Нам даже гильзы придется собирать, иначе полиция сразу поймет – кто, что и откуда. Поэтому и стрелять нужно будет редко и только наверняка, чтоб с первого выстрела. С импортным оружием, снаряжением и прочим иностранным имуществом я связываться не хочу, потому как отказать может в самый напряженный и ответственный момент. А нам рисковать нельзя. В автомобиль с собой ведь не возьмешь сто восемьдесят килограммов снаряжения? Нет! Взять-то мож-

но, но на первом же полицейском пикете завалимся, если остановят, а уповать на то, что не остановят – глупо. Хотя, конечно, по пути все можно выбросить, утопить, закопать. А от объекта, кстати, до ближайшего города, где у вас сильные позиции, по карте больше тыщи верст. Убедительно, товарищ полковник? Это во-вторых, без обид и прочего! К тому же у нас будет с собой препарат, диск лазерный или жесткий, документация, вполне вероятно, сам процессор придется брать с собой, бог его знает, что там еще случится? Этот план отпадает, хотя, конечно, кое-что из него взять можно, например, автомобиль.

Я внимательно наблюдал за Климовым и видел, что он обиделся за свой отвергнутый, но, по его мнению, такой замечательный план. Ну не знал полковник, что по нашим законам – законам армейских разведчиков – каждый, идущий на дело, имеет право на слово и собственное мнение, ибо ставки слишком велики, порой много выше, чем жизнь.

– Сокольников прав, – вступил в разговор мой первый заместитель, майор Чернышев. – Конечно, оно очень даже заманчиво, сесть на джип и за несколько часов до границы домчаться, потом пересечь ее, в город, где крепкие позиции, и там на квартиру или в коттедж на берегу моря забиться да отдохнуть. Только рискованно все это, да и автостраду к границе они перекроют в первую очередь, нельзя ведь их держать за дурачков. О ликвидации лаборатории американцы узнают через час максимум, это в лучшем случае, но в реальности

надо рассчитывать на запас времени в полчаса от силы, потому как может статься, что и десяти минут у нас не будет, как знать! Оружие нам оставлять и бросать нигде нельзя. А с машиной надо подумать, предложение толковое. На ней мы сможем, например, до иранской границы добраться.

– Слушай, командир! – опять заговорил прапорщик.

Глаза его горели, и по лицу было видно, что у него есть дельное предложение.

– Ну давай, Дима, не тяни! Вижу, что план придумал, – сказал я, надеясь в душе, что план действительно будет приемлемым.

Когда у гвардии прапорщика начинали вдруг гореть глаза едва уловимым зеленым светом, мы понимали, что он придумал что-то гениальное.

– План мой проще простого. Полковник, – кивнул он фамильярно на Климова, – пригоняет джип, как обещал. После завершения операции мы загружаемся в него и едем, но не в сторону сирийской границы, где, вполне вероятно, нас могут и будут наверняка ждать, а рванем на юго-восток…

Прапорщик взял карандаш и на топографической карте показал направление и дорогу, по которой, по его мнению, следовало уходить.

– Там нас никто не ждет, я уверен! Дорога грунтовая, но джип пройдет, все-таки вседорожник. Далее, не доезжая до пограничного пункта, мы бросаем автомобиль и идем вдоль границы с Ираном, выходим к нашим на стыке трех границ.

Они там должны нас ждать. Всего-то двести километров. Пройдем их максимум за трое-четверо суток, если ничто не помешает. Ну, от силы потребуется пять, да и то в случае давления со стороны противника, – он опять ткнул пальцем в карту, где, по его замыслу, мы должны были бы выйти. – Там, на всякий пожарный случай, сосредоточить роту нашего отряда, хотя хватит и взвода. А можно воспользоваться и помощью пограничного спецназа. При подходе мы подаем условный сигнал, по которому пограничники и наши ребята устраивают шум, и мы под этот шумок и возню проскакиваем целыми и невредимыми. Если возникнет нештатная ситуация, можем выйти прямиком в соседнее государство. С Ираном у нас вроде как отношения налаживаются. Товарищ полковник из Комитета пусть нам наколочку даст, куда обратиться за помощью в случае надобности, если в Тегеран придется заскочить. Ну? Как мой план?

– Алексей, чего молчишь, – обратился я к заместителю, – ты как? План одобряешь? Вроде ничего себе план!

– А что, план хороший! Стоящий план, командир! Лучше все равно никто ничего не предложит.

– Все! Будем подводить итоги, – решил я заканчивать разговор, – принимаем план Сокольникова, держим в голове и предложение Климова, а действуем по обстановке. Пока все свободны. Идите, готовьте оружие, сейчас поедем на стрельбище, пристреляем пистолеты и автоматы, которые возьмем с собой. На подготовку отведено время до восемнадцатого

августа. Да, Алексей! Генерал договорился насчет планера, поэтому свяжись с ним и на аэродром езжай. Тебе ведь придется пилотировать. Постарайся!

– Ну, командир, ты молодец, – рассмеялся Климов, когда мы остались наедине, – прямо Соломоново решение принял.

– Ты, Владимир Александрович, обиду на моих ребят не держи! Особенно на Сокольникова. Он всегда так принимает чужаков. Их уважение заслужить надо. Каков человек, можно только в деле увидеть, а так – чего говорить попусту.

– Так возьми меня с собой, и разговоров досужих не будет. Уважение заслужу, а то думают, что ежели я помощник, то только и умею, что бумажки перекладывать с места на место и на подпись высокому начальству их носить. Я ведь в помощниках без году неделя, а заканчивал, между прочим, пограничное училище. Да, да! Не удивляйся! Профессиональный военный я, а не шпак[12], как вы говорите, какой-нибудь. Не подведу!

– Нет, полковник. С нами ты не пойдешь, потому как здесь нужен. Сначала генералу Корабелову для координации работы наших ведомств. Ты наше прикрытие здесь обеспечиваешь. А после машина там на тебе будет висеть, как и предложил, хотя мы сможем и сами угнать джип с турбазы, но лучше, чтобы ты подогнал, так надежнее – с полными баками и в исправном состоянии. Видишь? У тебя серьезное дело! На твои плечи возложен успех окончания операции и нашего

[12] Шпак – шутливое прозвище гражданских лиц среди армейских офицеров.

выхода оттуда. К тому же тебе еще надо попасть на турбазу.

– На турбазу я попаду, не волнуйся. Путевка у меня уже есть, – ответил Климов.

– А откуда у тебя путевка взялась? Что-то очень быстро ты ее приобрел.

– История долгая, в двух словах не расскажешь!

– Ладно! Потом расскажешь, когда вернемся! А сейчас поехали на полигон, посмотришь, где мои ребята тренируются, – предложил я полковнику.

Глава 8. На полигоне

На стрельбище мы явились, когда там полным ходом шли занятия. Одна группа бойцов преодолевала полосу препятствий, другая тренировалась маскироваться в болоте. Для этого у нас был выкопан пруд, в котором офицеры лежали часами на дне, дыша через тростниковые и камышовые трубки. Много чего интересного увидел Климов в нашем тренировочном лагере. Но особенно его удивило, когда группа из пяти человек загружала в вертолет большой кожаный мешок, напоминавший человека. Манекен поднимали двое и еще двое принимали его в салоне.

– А что это они делают? – спросил полковник из Комитета.

– У них сегодня отработка тактического задания «Вынос раненого». Вертолет выбросит группу за шестьдесят километров. Они должны осторожно, не привлекая внимания, дойти до полигона, притащив куклу с песком весом восемьдесят пять кэгэ. На войне всякое может случиться. А мы своих не бросаем!

– Ну а если…

Климов задумался, как бы покорректнее сформулировать вопрос, но я понял, о чем он хотел спросить.

– Когда я проходил курсы подготовки, моей группе была поставлена аналогичная задача. Тащить куклу было, ко-

нечно же, очень тяжело, вот мы и схитрили. Высыпали песок из нее, прибываем на полигон и докладываем, что, мол, раненый скончался, и мы были вынуждены его похоронить. А руководитель занятий нам вводную: погибшему присвоено звание Героя Советского Союза, и командование приказало похоронить его на родине. Вот мы и побежали обратно, аж целых сорок километров. К следующему утру вернулись. Поэтому наши «раненые» доставляются все живыми.

На огневых рубежах занятия уже закончились. Инструктор по стрельбе ждал нас у входа в стрелковый тир. Я отпустил его, ибо там же на скамейке сидели майор Чернышев и прапорщик Сокольников.

Стрелял Климов очень даже неплохо. Димыч, сидя за столом, где мы обычно чистили оружие после стрельбы, скептически наблюдал, как отработал на огневом рубеже коллега из Комитета. Но по виду прапорщика я понял: он удовлетворен тем, что увидел.

Климов четко и быстро выполнил все наши упражнения, причем сделал это на «отлично», выбив из возможных ста очков ровно девяносто восемь. Он попробовал стрелять из всех видов оружия, состоящего у нас на вооружении и имеющегося вообще в отряде, а оружия было более чем достаточно. Мы стреляли в общей сложности часа полтора. Я уже собирался дать команду заканчивать, как неожиданно Климов спросил:

– А что, действительно существует стрельба по-македон-

ски, или все это досужие выдумки писателей?

– Ну почему же выдумки? Бери вон пистолеты и стреляй с двух рук от живота по мишени, не забывая при этом двигаться, при желании можно даже и саму мишень привести в движение, конечно. Вот тебе и стрельба по-македонски.

– Нет, это не то, о чем я говорю. Ну, вот как в книжках пишут, и прочее, по движущейся мишени во время движения? Надо же ведь не просто стрелять, а еще и попадать.

– Понятно. Короче говоря, хочешь проверить, желаешь, чтобы кто-то из нас пострелял для удовлетворения твоего любопытства? Наверное, любимый литературный герой – Евгений Таманцев? Ну, это надо обращаться к Димычу, он у нас специалист по всем этим показушным номерам. Мастер! Мы его всегда выставляем, когда приезжают важные гости и нужно что-то такое сделать или эдакое выкинуть, чтобы свести их с ума, в переносном, конечно, смысле. У него книга самая любимая знаешь, какая? Точно! «Момент истины». Попроси, он с удовольствием продемонстрирует этот вид стрельбы, к тому же зрителей он любит больше, чем себя. Ему бы в цирке работать, точно стал бы знаменитостью!

– Да неудобно просить, тем более, личного контакта у нас не получилось. Похлопочи, Александр!

– Ладно! Похлопочу!

И я крикнул прапорщику, который укладывал почищенные пистолеты и неиспользованные боеприпасы в оружейный ящик:

– Дмитрий! Вот полковник Климов не верит, что ты стреляешь по-македонски лучше самого Евгения Таманцева. Развеешь его сомнения, или попросить кого-нибудь другого?

Димыч начал недовольно что-то бурчать себе под нос, типа того, что взрослые люди, а ведут себя прямо как дети, книг фантастических поначитались, фильмов приключенческих понасмотрелись, сплетен понаслушались, и прочее…

– Ну что? Будешь показывать, или я сейчас за кем-нибудь другим пошлю, кто не будет ломаться!

– Не надо никого просить и приглашать! Сами с усами. При чем здесь – ломаюсь, не ломаюсь, – продолжал бурчать Димыч.

Он взял свои любимые наганы, из которых у него особенно хорошо получалась стрельба по-македонски, но я успел крикнуть ему:

– Из револьверов кто угодно сможет стрелять! Медведя, и того научить можно! Ты из «Макарова».

– Все-то вы, товарищ полковник, стараетесь усложнить мне задачу. Это ведь демонстрационная стрельба, – прокричал в ответ прапорщик, но все-таки наганы положил обратно в ящик и вместо них достал предложенные мной пистолеты.

Стрелял в тот день Дед просто отлично, превзойдя самого себя. Он только появился на огневом рубеже и еще не успел изготовиться к стрельбе, когда я быстро и неожиданно поднял ему мишени. Дмитрий начал стрелять, даже не глядя на них, потому как в десяти метрах левее уже начинали подни-

маться две другие. Щепки от мишеней разлетались в разные стороны, будто Димыч крушил их топором, а не стрелял из пистолетов. Но зрелище было эффектное. Все шестнадцать пуль он положил в грудную часть мишеней, ровно по четыре в каждую. Стрелял он от живота, не целясь и почти не глядя в сторону целей, то есть вслепую, интуитивно чувствуя, где те находятся в данный момент.

– Командир! Запускай фронтальное движение! – прокричал он мне после того, как перезарядил пистолеты.

Мишени поднялись и поехали вдоль стены, расстояние до них было метров сорок. Димыч бросился бежать параллельно направлению их движения, стреляя на ходу. И вновь все пули достигли цели. Но только на этом представление не закончилось. Прапорщик поставил на огневой рубеж ящик, приладил к нему толстую веревку и попросил полковника Климова выдернуть из-под него ящик без предупреждения. Это, кстати, был трюк, которым он особенно любил удивлять всех зрителей, но чаще всего демонстрировал его, когда в отряд приезжало высокое начальство для проверки нашей боеготовности. Правда, нужно сказать, что такое упражнение выполняли все бойцы, но у прапорщика Сокольникова оно получалось особенно красиво и гораздо эффектнее, чем у других. Дед был в ударе, он поймал кураж и завершил представление блестящей стрельбой по полиэтиленовым, наполненным наполовину водой бутылкам, которые подбрасывал ему полковник из Комитета, громко крича от удивления и

восхищения одни и те же слова: «Здорово! Отлично! Фантастика! Этого не может быть!».

Представление закончилось полным триумфом прапорщика. Он так разошелся, что даже предложил мне стрельбу на спор, хотя ему никогда не удавалось выиграть у меня полную серию, включавшую несколько рубежей с разными условиями ведения огня. Только я отказался, потому как прапорщик кураж поймал, а мне, как командиру, нельзя было проигрывать на глазах представителя серьезной организации.

– Дмитрий Серафимович, – сказал я, – ты сегодня просто неудержим, тебя не перестрелять!

– А, боитесь за свой авторитет, товарищ полковник!

– Боюсь! – в тон ему ответил я.

Димка проверил оружие, произвел контрольное нажатие курка и сунул пистолеты за пояс.

– Это просто фантастика какая-то, честное слово! У вас все так стреляют? – спросил меня Климов, когда прапорщик ушел с оружием в помещение тира.

– Да, Владимир Александрович! Офицеры армейской разведки по-другому просто не умеют. Во время боевой работы может статься так, что останется в живых тот, кто стреляет быстрее и точнее, а для этого надо помимо ежедневных утомительных тренировок глаз верный иметь, руку твердую и сердце каменное. Чтобы метко стрелять, надо очень долго готовиться к этому. Ты же ведь видел только результат, а не сам процесс его достижения. Поверь мне, что это очень уто-

мительно и нудно – лежать часами и смотреть в одну точку, но обязательно при этом не давать руке дрожать и дергаться.

– Ну а ты сам? Стреляешь так же? По принципу «делай, как я», или?.. – начал подзадоривать меня Климов.

Что было делать командиру отряда спецназначения? Естественно, после этих слов мне не оставалось ничего другого, кроме как взять два пистолета. Ударить в грязь лицом я не мог. Стрельба в тот день удалась. Но только бутылки подкидывал не Климов, а я сам, успевая при этом выхватить из кобуры оружие и продырявить в воздухе полиэтиленовую посудину, ни разу не промахнувшись. У моего гостя аж глаза округлились от увиденного. На этом спектакль закончился.

– И где же ты так стрелять научился?

– Практика все, практика. Я ж тебе сказал, какие условия надо соблюдать для того, чтобы научиться метко стрелять. У нас, кстати, сейчас обед, – сказал я гостю, взглянув на часы, – может, хочешь отведать солдатской каши? Приглашаю.

– Не откажусь! С удовольствием, – ответил Климов.

После обеда мы проводили полковника из Комитета до проходной, где его ждала автомашина.

– Ну, будем прощаться? Слушай, командир, – неожиданно, кажется, даже для самого себя, обратился ко мне Климов, – а может, зря мы все это затеяли? Как думаешь?

– Нет, полковник! Думаю, не зря. Ты ведь сам профессионал и понимаешь, что тайная война не прекращалась никогда, не прекращается и не прекратится ни на одну мину-

ту, ни на секунду, особенно против нашей страны. Мне довелось как-то прочитать одну занятную книжечку, автором которой являлся некий Аллен Даллес… – сказал стоявший рядом прапорщик Сокольников.

* * *

Аллен Уэлш Даллес – профессиональный разведчик. Во время Второй мировой войны являлся заместителем начальника Управления стратегических служб США. Еще в самом конце войны в труде «Размышления о реализации американской военной доктрины против СССР» сформулировал основные задачи по борьбе против нашей страны: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание людей. Сознание людей способно к изменению. Посеяв там (в России) хаос, мы незаметно подменим их (советских людей) ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разворачиваться грандиозная по масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания…

Литература, театр, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых худож-

ников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводится в добродетель…

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство, наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и, прежде всего, вражда и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать… Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда делать главную ставку на молодежь, станем разлагать, растлевать, развращать ее. Мы сделаем из нее циников, пошляков, космополитов.

И лишь немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

Непосредственно по предложению Аллена Даллеса и при его активном участии было создано Центральное разведывательное управление США, которое он возглавлял с 1953 по 1963 г. Полеты самолета-шпиона У-2 над нашей страной бы-

ли спланированы и осуществлены, когда во главе ЦРУ стоял Аллен Уэлш Даллес.

* * *

– Прощайте тогда! Свидимся ли когда-нибудь еще?

– Свидимся, обязательно свидимся! До встречи! Ты машину, главное, не забудь нам подогнать вовремя, как обещал. Будем на тебя надеяться. Главное, не торопись! Помнишь, как говорили в старину? «Поспешай, не торопясь!»

Неожиданно полковник предложил:

– Давайте сфотографируемся на память о нашем знакомстве?

– А почему бы и нет, но только после выхода в отставку, – ответил я.

– Правильно, – поддержал меня Дед, – примета плохая.

Алексей и Дмитрий крепко пожали полковнику руку, и вдруг Дед сказал:

– Вы, товарищ полковник, не обижайтесь. Мы здесь ребята простые. Главное, не подведите нас! А то потом мы с вас взыщем сурово, по законам военного времени, как говорится!

Тот понимающе кивнул в ответ, подошел ко мне, крепко обнял и, не оглядываясь, сел в машину, которая, сорвавшись с места и обдав нас напоследок белым облачком вырвавшегося из выхлопной трубы едкого отработанного газа, скры-

лась из виду за лесным поворотом.

Часть вторая. Назад пути нет

Глава 1. Ночь накануне вылета

Уже сидя в планере, я вспоминал наши проводы и напутственное слово генерала на небольшом приграничном аэродроме. Он приехал, чтобы лично присутствовать накануне отлета и проконтролировать все от и до. Погода стояла прекрасная. Ночи тихие и безлунные, одни только звезды, по которым можно отлично ориентироваться. Снаряжение, оружие и боеприпасы мы загрузили в планер загодя, днем. Генерал привез новые дыхательные аппараты изолирующего типа, которые считались последней разработкой одного секретного института, занимавшегося проблемами спасения подводников с затонувших атомных субмарин.

Мы накопили большой опыт в обращении с этими аквалангами, когда отряд проходил специальную морскую подготовку в учебном центре подразделений военно-морского спецназа, так называемых боевых пловцов, – разведывательно-диверсионной части в системе разведки ВМС. Привезенные генералом дыхательные аппараты принципиально не отличались от тех, что мы использовали на тренировках, а

именно, от дыхательных аппаратов замкнутого цикла[13] наших коллег с флота, но только у этих был повышенный запас ресурсов по выработке кислорода.

– Вот, забирайте! – сказал генерал, когда вылез из машины.

Он указал пальцем на акваланги и, разминая спину и ноги, затекшие, видимо, от долгой езды в машине, вновь заговорил:

– Еле-еле выпросил у наших ученых опытные экземпляры. Давать не хотели. Все ведь вокруг спрашивают, для чего, мол, беру? Я все-таки начальник разведки, и вдруг – акваланги! Подозрительно? Не на рыбалку, чай, собрался, кругом дураков нет! Меня даже на самом верху спрашивали об этом, куда, мол, и для чего начальнику ГРУ понадобилось шпионское оснащение. На старости лет врать приходится, а что делать? Ради благого дела и согрешить не вредно.

– А вы бы, товарищ генерал, не врали! – посоветовал прапорщик. – Сказали бы все честно, так, мол, и так, господин президент, вас и вашу семью обкормят всякой гадостью и ерундой, а нам потом расхлебывать придется. Смотрите, ува-

---

[13] В советское время боевыми пловцами морского спецназа ГРУ использовались дыхательные аппараты СЛВИ-57, боевые акваланги АВМ-1. Эти аппараты предназначались для скрытного подхода пловцов к объекту, так как воздух после дыхания не поднимался на поверхность воды, как это происходит у обычных аквалангов, а перемещался по внутреннему кругу, участвуя в выработке кислорода. Сейчас нашей промышленностью такие аппараты не выпускаются. В начале 1990-х годов подразделения военно-морского спецназа были расформированы.

жаемый, что в рот тащите!

– Поучи, поучи меня, Дед! Ох! Распустил ты личный состав. Прапорщик генерала, целого начальника военной разведки, учит. Дожил! – строго заворчал генерал, нахмурив брови.

Но это была напускная строгость, ибо любил он нас сильно, любил и уважал в отряде всех, а поэтому позволял наедине некоторые вольности, не выходящие, конечно, за пределы разумного. Особенно он благоволил к Сокольникову. Прапорщик ему нравился за норовистый характер, чувство самоуважения и достоинства. Единственный человек, кстати, которого генерал Корабелов старался называть на «вы», был Дмитрий. Когда начальник Управления ходатайствовал за Димыча и призывал того во второй раз в армию, то конечно же собрал о нем самые подробные сведения, особенно что касалось увольнения гвардии лейтенанта Сокольникова Д. С. из ВДВ. Он, естественно, звонил Маргелову В. Ф., тогдашнему командующему десантными войсками, да и при личной встрече беседовал с ним на тему Димыча, и, как потом рассказал мне по большому секрету, командующий ВДВ очень хвалил своего бывшего разведчика, считая его лучшим. «А что касательно увольнения, Иван Федорович, – пробасил Маргелов по телефону, – так я сам бы врезал тому хлыщу по морде, честное слово, врезал бы так, чтобы надолго запомнилось. Дед, то есть Сокольников, правильно сделал, по чести солдатской поступил, хотя и не должно гене-

рала при всех за руки хватать. Он настоящий офицер, бери, не пожалеешь, я за него головой могу поручиться. Только ты, Иван Федорович, с ним поосторожней. Я имею в виду его характер. Ему «тыкать» нельзя, у Деда обостренное чувство собственного достоинства, а посему в ответ так же «тыкать» будет, не всегда, но будет. Проверь, если не веришь! Такие уж у меня в ВДВ ребята замечательные и необычные!» Вот такой секретный разговор передал мне генерал Корабелов, когда вызвал к себе, чтобы обсудить условия зачисления Сокольникова к нам в отряд. Однажды, помнится, генерал и прапорщик «потыкали» друг другу, правда, один громко, а другой вполголоса, потому что Сокольников субординацию все-таки чтил. Случилось это через пару недель после зачисления Димыча в мое подразделение. Я даже расстроился, подумал, что генерал прикажет уволить его. Но нет! Наоборот даже вышло. Начальник Управления вдруг стал выделять, привечать и уважать Деда. «Человеческая душа – потемки!» – правильно говорили древние.

Глава 2. Гвардии прапорщик Дмитрий Сокольников

Старшина отряда гвардии прапорщик Дмитрий Серафимович Сокольников отвечал за техническое состояние вооружения всего подразделения. Хотя отряд наш гвардейским конечно же не был, но Димка считал себя гвардейцем, так как прослужил в десантных войсках несколько лет.

А вообще мы с ним были знакомы еще со школы, жили в соседних домах, спортом занимались вместе, за девушками ухаживали. Родители хотели видеть в Димке архитектора или художника, но он пошел в армию, в морскую пехоту. Через полтора года службы Димка поступил в десантное училище. Его туда почти без экзаменов приняли, все-таки мастер спорта по стрельбе, разрядник по рукопашному бою, по волейболу, плаванию. Талант, одним словом. Через полгода занятий любым видом спорта Димка готов был выполнить норму кандидата в мастера.

К оружию у Димыча было особенное отношение, он любил его как женщину, трепетно и самозабвенно. Бойцы отряда его за это очень уважали, ибо знали, что, если оружие проверял прапорщик Сокольников, то можно идти спокойно на выполнение любого задания, потому как отказа в работе автомата, пистолета или снайперской винтовки не будет.

Димка был прирожденным солдатом. Порой мне казалось,

что он родился для того, чтобы стать офицером. У него было колоссальное чувство ответственности и, главное, он умел дружить.

У прапорщика везде были друзья. Конструкторы-оружейники, например, с восторгом встречали каждый его приезд. Они ждали от Димыча конкретных замечаний, советов, просьб, критики по поводу новых разработок. Ему давали на испытание любой опытный образец секретного оружия, даже если тот был в единственном экземпляре. Поэтому у нас никогда не было недостатка в совершенных и надежных пистолетах, автоматах, снайперских винтовках и прочих необходимых технических средствах. Владея почти свободно двумя иностранными языками, Дмитрий был в курсе всех зарубежных новинок в стрелковом вооружении. Он часто по собственной инициативе проводил занятия с офицерами отряда, знакомил их с новыми образцами иностранного оружия. Но только на этом Димка не останавливался, он доставал нашего генерала просьбами закупить или добыть оперативным способом тот или иной образец новейшего зарубежного диверсионно-разведывательного снаряжения. Нужно сказать, что здесь он имел потрясающие успехи. Оружейная комната отряда ломилась от огромного количества всевозможного оружия: пистолетов, автоматов, карабинов, пулеметов, мин с сюрпризами и прочих хитрых и нужных в нашей работе вещей.

Димка по рождению был солдатом, а еще точнее, даже не

солдатом, а настоящим спецназовцем и разведчиком. Была у нас с Димкой командировка в Южную Америку, потом вторая – в Африку, за ней третья – и вновь в Африку, затем последовал Ближний Восток, вскоре – Индокитай и, наконец, Афганистан. У специального отряда ГРУ, хотя и просуществовал он недолго, боевой путь был очень длинным. И гвардии прапорщик Сокольников был неотъемлемой его частью, составным звеном истории боевого подразделения, как, впрочем, и все остальные бойцы.

Но Димка не сразу стал прапорщиком, до того он был офицером, лейтенантом. После окончания военного училища попал Сокольников в десантные войска. Назначили Димку командиром взвода в элитный спецотряд ВДВ. Прокомандовал он почти два года, а тут масштабные учения целого военного округа.

Лейтенант Сокольников воевал за «красных». Задачу разведчикам поставили не из легких: более пятидесяти верст отмахать по лесу, вывести группу к охраняемому объекту, а точнее, подвижному пункту управления «синих», засечь его и по возможности навести авиацию или дать точные координаты для огневого налета артиллерии. Разведгруппу лейтенант возглавил лично. Вертолетам удалось незаметно, используя складки местности, «подкрасться» поближе к району поисков. Лейтенант Сокольников, старший сержант Паутов и рядовой Семак высадились благополучно на опушке леса. Разведчики уже почти достигли заданного района, ко-

гда случилось то происшествие, которое впоследствии сыграло решающую роль в судьбе гвардии лейтенанта Сокольникова.

Его группе предстояло преодолеть небольшую, но быструю реку. Переходить ее Сокольников решил через маленький деревянный мост. Места там были глухими, до ближайшего населенного пункта километров пятнадцать. Тем удивительнее, когда на грунтовке показался автобус. Пассажиров в нем было двадцать человек. Автобус спускался с пригорка по дороге, ведущей прямо на мост. Неожиданно он увеличил скорость. Разведчики тогда еще подумали, что вот, мол, зря лихачит деревенский шофер. А скорость все нарастала, и на мост автобус влетел стрелой. Даже не притормозив, он пробил деревянные перила и со всеми пассажирами, среди которых было больше всего детей, пролетев по воздуху метров десять, рухнул в воду. Брызги огромным фонтаном полетели в разные стороны, причем в таком количестве, что машина скрылась из виду. Шум от удара автобуса об воду напоминал хлопок лопнувшего воздушного шарика, но только очень большого, даже гигантского. Когда брызги опали, автобуса на поверхности не оказалось. Он утонул, причем утонул почти мгновенно. Это была трагедия!

Лейтенант даже ничего не приказывал подчиненным, потому как все трое, не перекинувшись ни словом, ни взглядом, побежали по крутому склону в сторону реки, сбрасывая на ходу амуницию. Разведчики никогда так быстро не бега-

ли. До берега было метров сто пятьдесят, но они преодолели их в считанные секунды, босиком. Как на беду, река была глубокой, до крыши «пазика» только метра два. Под водой слышался гул, шум, стон, плач, крик. Люди хотели спастись, хотели жить, но выбраться без посторонней помощи, видимо, не могли. Хотя попавшим в беду повезло, если так можно сказать, ибо автобус после падения в воду не завалился на бок, не перевернулся на крышу, а встал всеми четырьмя колесами на грунт. Это и уберегло от смерти всех, кто находился в нем. Вода хлынула через открытые окна. Но, так как автобус стоял относительно ровно, под потолком образовалась воздушная пробка, которая и спасла в первые минуты всех пассажиров, благо, верхние вентиляционные лючки были закрыты, но вода постепенно через них стала проникать в салон, заполняя его, дабы утопить своих пленников. Входные двери автобуса были закрыты. Шофер сидел за рулем, уронив на него голову. По всей видимости, он был мертв.

Десантники быстро доплыли до утонувшего автобуса. Разведчики нырнули и попытались вытащить кого-нибудь через окна, но у них не получилось.

– Ну что, гвардейцы? Стекло разбивать не будем. Сделать это сложно. Только время упустим. Если же разобьем, осколки помешают вытащить людей. Время у них там, внизу, уменьшается катастрофически. Постараемся открыть двери. С богом! – сказал лейтенант, и ребята нырнули в холодную воду неласковой реки.

Вспоминая потом, как они пытались спасти пассажиров, десантники рассказывали, что в автобусе не было абсолютно никакой паники. Дети и взрослые смотрели на них широко раскрытыми глазами и сразу же заулыбались, когда увидели людей в тельняшках и пятнистых маскировочных шароварах. Мальчишки и девчонки улыбались, потому как верили, что солдаты не допустят их гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.